

Становится

историей

война ...

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

Становится историей война...

Народная летопись

выпуск 10

Торопец
2022

Аверьянов Николай Павлович

Родился 1 февраля 1922 года в деревне Задний Двор Некоузского района Ярославской области. Окончил 5 классов в 1937 году. До войны работал на Ленинградском заводе им. Козицкого.

Пошел добровольцем в ополчение в июле 1941 года. Находился на Ленинградском фронте. Сначала был рядовым в артпулемётном батальоне. Строили дзоты, амбразуры и другие укрепления за Петергофом.

По мере отступления был зачислен в истребительный батальон. С боями отступали к Петергофу, где были окружены танками противника и автоматчиками. Мы укрылись в блиндаже, но были в упор расстреляны танками. Кто остался жив – попали в плен. После скитания по лагерям в течении двух лет, при перегоне в другой лагерь, на передышке у речки, удалось нам убежать. Плыли по замерзшей речке, по полынье, где середина не была замерзшей. Отплыв метров сто пятьдесят ниже, удалось вылезти на берег незамеченными.

Затем, ночью, в лесу двигались мокрые к своим. Утром была большая памятная радость, когда мы вышли на своих автоматчиков. Обнявшись, мы спрашивали: кто, откуда, земляк, не земляк. Затем снова с частью двигались вперёд. Спустя несколько недель мы были отправлены в Калинин и после проверки я был отправлен в Москву на центральную базу механизации, в строительную колонну № 127, откуда я демобилизовался в 1946 году. В 1947 году переехал в Торопец, работал шофёром на Торопецком маслосырзаводе. Имею медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Алексеев М.Ф.

Я родился в грозном 1918 году, в том самом, когда родилась Рабоче-крестьянская Красная Армия.

В детстве я, простой деревенский мальчишка, думать не думал, что мне придется в рядах этой армии бороться с врагом. Я был призван в армию в ноябре далекого 1939 года. Служил в Молдавии. Подумывал об увольнении в запас, да не пришлось вернуться в родной торопецкий край, снять гимнастёрку. На нашу страну напали фашисты. Был июнь 1941 года. Спустя несколько дней после начала войны, я в составе инженерно-минного батальона вступил в боевые действия с гитлеровцами. Мы минировали дороги, взрывали мосты, задерживая наступление захватчиков. И начался счет боевым дням и ночам. В конце лета сорок первого года, во время контрнаступления наших войск под Кировоградом, я был ранен. Во второй раз меня ранило в плечо и левую руку в 1943 году под Ростовом.

*Не дай нам Бог такое пережить!
Но оценить, понять их подвиг надо –
Они умели Родину любить,
Им наша память – лучшая награда!*

С.М. Гришун

Великая Отечественная война постепенно уходит в прошлое, становится страницей истории. Уже выросло не одно поколение людей, никогда не слышавших ужасный вой сирен и грохот орудий. Но не стерлась в людской памяти война. И забыть ее мы не имеем права. Потому что история – это судьба каждого, кто вынес на себе годы смертельных боев, тяжёлого труда, годы ожидания и надежды, кто каждый день совершал подвиг.

В десятый сборник «Становится историей война» вошли мемуары торопчан о Великой Отечественной войне, собранные краеведом Е.В. Веселовым в 80-90-е годы прошлого столетия, воспоминания ветеранов войны и труда, опубликованные в разные годы на страницах районной газеты, а также воспоминания, записанные сотрудниками Торопецкой и Пятницкой библиотек. Представлены в сборнике собранные учащимися и педагогами Плоскошской и Речанской школ свидетельства тех, чье детство было украдено войной и для кого годы сурового лихолетья остались в памяти на всю жизнь.

Л. Медведева

Именно в том году началось массовое изгнание немецких оккупантов с временно захваченной территории. В этом освободительном походе мне довелось участвовать в составе 176 гвардейского стрелкового полка. Я был командиром отделения. Военная судьба вновь привела меня в Молдавию, в те места, где я служил до войны. В боях под Кишиневом был легко ранен в третий раз. После госпиталя продолжал воевать уже за пределами нашей Родины, в Венгрии. Домой вернулся в 1946 году.

За участие в войне награжден медалью «За боевые заслуги», другими медалями. В прошлом году мне вручили орден Отечественной войны I степени.

И после войны моя служба была сродни солдатской. 25 лет отдал работе в милиции, был участковым уполномоченным. За долголетнюю службу в милиции отмечен несколькими медалями.

Многое довелось испытать мне за годы войны. Советские воины все вынесли, все вытерпели ради того, чтобы спасти свою Родину, народ наш от порабощения. У меня растут внуки. Я не хочу, чтобы им пришлось испытать то, что выпало на долю нам.

Ваганов Василий Иванович

С радостью сознаю, что в тяжелое для Родины время я был в одном строю со всеми.

В январе 1943 года был призван в Красную Армию. Тогда мне было 18 лет. Воевать начал под Витебском, вскоре стал командиром расчета 45-миллиметровой пушки. Бой под Ригой особенно запомнился мне. Наша пушка уничтожила два танка противника, за что весь расчет был представлен к орденам Славы III степени.

А было это так. Во время наступлений в Прибалтике, полк, в котором служил я, вырвался далеко вперед. К несчастью, он попал в окружение, и только наш батальон остался вне кольца. При желании мы могли бы оторваться от противника и занять оборону в соседнем лесу. Но командир батальона отдал приказ пробиваться навстречу окруженному полку.

Наша пушка заняла позицию на опушке леса. Силы были, конечно, неравные. Вскоре мы заметили колонну вражеских танков. Открыв огонь прямой наводкой, мы один за другим подбили два танка. А потом вместе с другими подразделениями наш расчёт двинулся навстречу окруженному полку. Атака удалась, батальон соединился с полком.

В последующих боях наш расчёт уничтожил еще несколько танков. И опять мы были награждены орденами Славы II степени.

Под городом Мемелем я получил ранение, а после излечения был направлен в стрелковую дивизию разведчиком. Однажды мы получили

приказ достать «языка». Нашему взводу удалось захватить двух фашистов на второй линии обороны. За это участники операции, в том числе и я, были награждены орденами Славы I степени.

Я живу в Ленинграде. Сейчас нахожусь на пенсии. Но часто вспоминаю Торопец, город, в котором я рос. Над ним, как и над всей страной, мирное небо. И я часто с гордостью думаю, что в этом есть и моя скромная заслуга.

Гофман Виктор Михайлович

Тревожное жаркое лето 1942 года. Гитлеровцы рвутся на Дон, на Кубань, на Кавказ. Тяжёлые бои, трудные дни отступления. Случилось так, что наш миномётный дивизион оказался отрезанным от своих частей и очутился в тылу у фашистов. Было это под городом Армавиром.

Нам предстояло прорвать кольцо окружения, пробиться к своим. Выслав вперёд разведчиков, мы в боевом порядке двигались по дороге. Миномёты были установлены на повозках. Вскоре разведчики вернулись и рассказали, что неподалёку отсюда, на речке, расположилась на отдых батарея фашистов. Немцы, считая территорию занятой ими, ведут себя крайне беспечно, купаются в речке.

Мы принимаем дерзкое решение атаковать наглых захватчиков. Бесшумно приблизились к прибрежным кустам. На пологом берегу реки стояли орудия, возле которых отдыхали солдаты. Многие из немецких артиллеристов барахтались в воде.

По сигналу мы выскочили из-за кустов. Что тут началось! Фашистов обуял ужас при виде оказавшихся в их тылу советских воинов. Истошно завопили, заорали фрицы, поняв, что им пришёл конец. Мы сняли прислугу, находящуюся у орудий, кинулись к реке. При всей напряжённости боевой обстановки смешно было видеть, как выскакивали из воды нагие гитлеровские вояки, ища спасение на берегу. Мы пустили в ход клинки, приклады карабинов, пистолеты.

Скоротечен был тот рукопашный бой. Десятки гитлеровцев остались лежать у реки. Мы вывели из строя несколько орудий: повредили замки, стволы засыпали песком.

И ещё запомнился мне случай из военной жизни. Как-то вблизи расположения миномётной батареи, которой я командовал, приземлился самолёт. Не подозревая о нашем присутствии, немцы окружили его. Я решил накрыть их огнём. Залез на берёзу, подготовил данные для стрельбы. Расчёты открыли огонь. Мины точно накрыли цель. Самолёт загорелся. Было убито много фашистов. Во время боя немцы обнаружили меня, корректировавшего огонь. Пулемётной очередью была срублена вершина берёзы, на которой я сидел. Я упал, но всё обошлось благополучно.

Позднее мне довелось участвовать во многих боях, но эти два боя, когда миномётчики нанесли неожиданные удары по врагу, особенно запомнились.

Захарова Е.

Война застала меня в Смоленске. Тогда я работала на центральном телеграфе, а через несколько дней уже носила военную форму. Многие связисты, в том числе девушки, были призваны в ряды Красной Армии. На мою долю выпала служба в роте связи, обслуживающей лётную часть.

Как-то раз нашу радиостанцию запеленговали немцы. Началась сильная бомбежка. Так как рация располагалась на машине, мы быстро перебазировались на другое место. Ценное оборудование было спасено.

Осенью 1941 года наша рота дислоцировалась в селе Воскресенском, что недалеко от Москвы. Суровое было то время. Враг рвался к столице. Пришлось и нам из Воскресенского переехать в Москву. Радиостанцию установили в Измайловском парке.

Тяжелые дни переживала Москва. Некогда шумные улицы были малоллюдными, мрачно смотрели замаскированные окна, в городе часто объявлялись воздушные тревоги. Но москвичи не падали духом. Создавались рабочие батальоны, все, кто мог держать в руках оружие, шли на фронт.

В начале декабря началось контрнаступление советских войск. Под их могучим натиском фашисты откатывались на запад. Наша рота связи двигалась следом за наступающими частями. Мы радовались каждой деревушке, каждому населенному пункту, освобожденным от оккупантов.

В 1943 году меня перевели в 311-ю воздушную штурмовую дивизию. С ней я дошла до Кенигсберга. Здесь и встретила День Победы. Горжусь, что участвовала в обороне Москвы.

Ильин Василий Тимофеевич

Родился 3 августа 1934 года в г. Торопце. Образование 4 класса. Был учеником слесаря МТС, потом работал до 1941 года слесарем.

В 1942 году был призван в ряды Советской армии. По окончании краткосрочного обучения был направлен в 82-й стрелковый полк, на Западный фронт.

Боевое крещение получил под Велижем в районе совхоза Миловидово. В одном из наступлений был ранен, попал на излечение в Торопецкий госпиталь. После 3-х месячного излечения направлен в 332-ю дивизию. Часто бывали в наступлении, но населённых пунктов не помню.

В бою за один населённый пункт к нам в батальон пришло 3 танка, мы пошли в наступление. Танки подбили, большая часть батальона погибла. Будучи оглушённым, нашёл командира роты. Он послал меня к комбату узнать, что делать. Комбат сказал: «Ждите пополнение». При возвращении от комбата был ранен, но я дополз до командира роты и доложил о выполнении приказа. Подошли санитары, меня забрали в санбат.

Через некоторое время вернулся в часть. Мне сказали, что послали на награду.

Потом вызвал командир полка. Отправил на курсы командиров. Курсы я не прошёл, мало оказалось образования.

После расформирования я попал в отдельный лыжный батальон. Обучался до марта месяца.

В марте батальон был направлен под Холм. Там держали оборону до сентября. Затем переправили под Локню. Тоже держали оборону.

13 октября 5 человек послали в разведку. Когда начали возвращаться, немцы обнаружили нас и открыли огонь. При подходе к боевому охранению 3-х человек ранило. Нас вытащили и отправили в санбат. По дороге один умер.

Мне сделали операцию и отправили в госпиталь в город Рыбинск, затем в Ярославль. Там сделали вторичную операцию. Оттуда отправили в Иркутск. В Иркутске я лечился до апреля 1944 года. Был комиссован по третьей группе и отправлен домой.

Награждён медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

После войны работал слесарем на Торопецком ремзаводе, имею звание «Ветеран труда». Являюсь инвалидом второй группы.

Михайлов А.

Я был призван в армию до начала Великой Отечественной войны. С первых дней войны оказался на Карельском фронте. Известно, что в Карелии, на правом фланге советско-германского фронта, фашисты встретили упорное сопротивление и не смогли продвинуться на большую глубину.

Советские воины в трудных условиях лесисто-болотистой местности стойко обороняли каждый метр родной земли. Мечты гитлеровского командования о быстром захвате северных территорий страны так и остались мечтами.

В позиционных боях наши войска изматывали силы противника.

Мне особенно вспоминается выюжная ночь 9 февраля 1942 года. Наш полк располагался тогда в местечке Петровские ямы. С вечера разгулялась

пурга. В такую погоду и под покровом ночи большой отряд гитлеровцев просочился в расположение нашей части. Фашисты, очевидно, пронюхали, что ночью к нам пришла автоколонна со снарядами. Видать, они хотели взорвать их.

Мы поднялись по тревоге. Захватив с собой много патронов, я залез за углом одного из домов. Поблизости горело подожженное фашистами здание. Возле него бегали люди. Про себя я отметил, что они в белых маскировочных халатах. У солдат нашего полка маскхалатов не было. Значит, эти люди и есть фашисты. В свете пожара они были хорошо видны. Я взял на мушку первого захватчика. А надо сказать, что винтовку я до этого хорошо пристрелял. И она не подвела меня. Как только возле дома показывался фашист в белом халате, я посылал в него пулю. Промархов не было.

Когда гитлеровские лазутчики были отогнаны, я увидел следы своей «работы». 13 трупов фашистских вояк насчитал возле дома. За этот ночной бой меня наградили медалью «За боевые заслуги».

В сорок четвертом году мне довелось участвовать в освобождении Петрозаводска. А потом наша часть была переброшена на Дальний Восток. Участвовал в войне с империалистической Японией. Войну закончил в Харбине.

Вернувшись в Торопец, работал инструктором автошколы, потом шофером в автотранспортном предприятии. Восемь лет назад ушел на пенсию.

Нефедов Георгий Николаевич

Моя боевая жизнь началась в феврале 1943 года, когда нас, курсантов авиашколы, направили в авиационный полк штурмовиков. Я был зачислен воздушным стрелком на ИЛ-2 в экипаж капитана Покликушкина.

Помню, как сейчас, упорные бои развернулись в районах рек Миус и Молочной, недалеко от города Мелитополя. Немецкое командование построило сильно укрепленные оборонительные линии, бросив на прикрытие своих рубежей большое количество авиации.

В этом бою я сбил первый фашистский самолет «Мессершмитт-109». За успешное проведение воздушной операции меня наградили боевым орденом Красной Звезды.

Наступление наших войск с каждым днем разворачивалось все успешнее. Бои шли уже в районе города Каунаса. За боевые действия на этом участке я получил еще одну награду - орден Славы III степени.

Много неприятностей приносили нашим летчикам немецкие самолеты «Фокке-Вульф-190». Это были хорошие машины. И поразить их было

нелегко. Но мы сумели и у них найти уязвимые места. Многие из этих первоклассных машин нашли свои могилы в болотах Прибалтики. За бои с вражеской авиацией меня представили к третьей награде - ордену Славы II степени.

В июле-августе 1944 года упорные воздушные бои развернулись у самой границы Восточной Пруссии. Немцы перебросили крупные соединения авиации с Западного Фронта. Но и это им не помогло. Мы успешно отражали яростные атаки фашистских стервятников. В этот период я получил свою четвертую награду - орден Отечественной войны II степени.

Гитлеровцы сильно укрепили крепость Кенигсберг, построили мощные оборонительные рубежи на подступах к городу. Нашим войскам стоило больших усилий овладеть этой крепостью, так как с воздуха Кенигсберг охраняло большое количество вражеской авиации. Наши самолеты и в этой схватке вышли победителями. За успешно проведенные операции в боях за Кенигсберг я был награжден пятым орденом - орденом Славы I степени.

За время Великой Отечественной войны мне пришлось провести 25 воздушных боев с истребителями противника, сделать 135 боевых вылетов. Мною лично сбито 2 вражеских самолета, уничтожено много техники.

В нашем соединении выросло 77 Героев Советского Союза, из них - 7 получили это звание дважды.

Нефёдов С.

Навсегда останутся в памяти старшего поколения огненные годы войны. И сколько бы ни прошло лет, ярко вспоминаются события того грозного времени.

Я был призван в армию сразу после освобождения Торопца. Нас, восемнадцатилетних, после короткого обучения бросили в бой за Велиж. Жестокое было сражение. Немало торопчан полегло в этой схватке. Был ранен в руку и я. После лечения в госпитале медицинская комиссия признала меня годным к нестроевой. Так я попал в связисты, был зачислен в отдельный батальон связи, который обеспечивал связь в 5-м сталинградском гвардейском танковом корпусе. С этим корпусом я прошёл всю войну.

В 1943 году корпус участвовал в боях на Курской дуге. В известном сражении под Прохоровкой танкисты нашего корпуса первыми приняли удар немецкой танковой армии Манштейна. Задачей связистов было обеспечение бесперебойной связи между штабом корпуса и штабами

танковых бригад. Связь рвалась часто. Под огнём пушек и миномётов, под бомбёжкой налаживали её связисты. И нередко случалось, что прерванную связь восстанавливали, а сами не возвращались.

В начале августа 1943 года наши войска на Курской дуге перешли в контрнаступление, прорвали оборону и продолжали наступать в направлении Киева. Перед нашим танковым корпусом была поставлена задача форсировать Днепр. Танки переправлялись на паромках. Мы, связисты, должны были поддерживать связь через Днепр. Пользуясь рыбацкими лодками, под артиллерийским огнём и бомбами, проложили подводный кабель, обеспечили чёткую связь. Переправившись через Днепр, танкисты корпуса вступили в бой с врагом на Лютежском плацдарме. В этом бою, обеспечивая связь, я был легко ранен в ногу осколком. Рана не была серьёзной, и после перевязки я остался в батальоне связи, продолжая своё дело. За форсирование Днепра был награждён медалью «За отвагу».

Освобождение Киева, бои за правобережную Украину, окружение Яссо-Кишинёвской группировки противника, освобождение Кишинёва – таковы вехи победоносного, но трудного и кровопролитного марша корпуса по советской земле.

Затем мы пересекли границу Румынии, участвовали в освобождении Бухареста. Дальше через Карпаты наступали в Венгрию. После Венгрии – Австрия. Вместе с корпусом участвовал в освобождении Вены. Из Австрии корпус двинулся на помощь восставшему народу Праги. 9 мая столица Чехословакии была освобождена. В местечке за Прагой отмечали мы День Победы над фашистской Германией. Но для меня, как и для многих советских воинов, война ещё не закончилась. Корпус был направлен на Дальний Восток, влился в состав Забайкальского фронта. И только с разгромом милитаристской Японии для нас наступил конец войны. И тем не менее, День Победы над фашистской Германией был тогда самым желанным днём в жизни. Мы испытывали в этот день радость и гордость за наш советский народ, за нашу Родину. До сих пор нет для меня праздника светлее и дороже. В этот день особенно наплывают воспоминания о прошедшем, о трудных боевых годах. Мы помним войну, и мы не хотим, чтобы её знали наши дети и внуки. Пусть на Земле будет мир.

Прокофьев И.

Я был призван в армию восемнадцатилетним юношей. Это было в феврале сурового 1942 года, сразу после освобождения нашего района от фашистских оккупантов. Меня и других торопчан направили на Калининский фронт, в район Велижа. Мне доверили пулемёт – грозное

в то время оружие. Наша часть вела непрерывные бои в трудных зимних условиях. Менее месяца находился я на передовой: осколком мины был ранен. Затем госпиталь и снова фронт, снова бои. Район Полоцка, Карельский перешеек. Я был в числе тех, кто летом сорок четвёртого года прорывал так называемую «линию Маннергейма» - сильно укреплённую полосу на правом фланге советско-германского фронта.

Наш полк, действовавший на Ленинградском фронте, участвовал во взятии Выборга, за что ему было присвоено наименование «Выборгский».

В начале зимы сорок пятого года я уже на третьем Белорусском фронте, которым командовал легендарный герой Отечественной войны, генерал армии, Иван Данилович Черняховский. Мне не раз приходилось видеть этого молодого бесстрашного военачальника. Он был любимцем фронтовиков. Его любили за мужество, за храбрость. Иван Данилович часто бывал в самом пекле боя. Он и погиб солдатской смертью – от разрыва немецкого снаряда, не дожив двух с половиной месяцев до победы.

Под командованием Черняховского наше соединение взламывало оборону врага в его логове – на территории Восточной Пруссии. Бои на этом участке завершились штурмом Кёнигсберга.

Кончилась Великая Отечественная война. Но мы не зачехлили оружие. Наша дивизия была направлена на Дальний Восток. Мне и моим товарищам довелось участвовать в разгроме империалистической Японии. И на Тихом океане, как поётся в песне, мы закончили поход.

За боевые операции в войне против фашистской Германии и Японии, Советское правительство наградило меня орденом Славы, двумя медалями «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга» и другими.

Таланов Пётр Алексеевич

Я, Таланов Петр Алексеевич, родился в 1911 году, 21 июня, в бедной крестьянской семье в деревня Ровнево Опочецкого уезда Псковской губернии.

В ноябре 1935 года Торопецким райвоенкоматом призван в Красную Армию. С октября 1936 года - курсант военно-политического училища имени М.В. Фрунзе, которое было в г. Полтаве, а в марте 1938 года оно переведено в г. Горький. Училище окончил в августе 1938 года. В сентябре 1938 года НКО присвоено воинское звание – политрук. Был направлен в При ВО. Штабом был направлен в 86 с.д. 330 с.п., который находился в г. Елабуга. Работал политическим руководителем полковой батареи 76 арт. орудий.

3 июня 1941 года, по требованию командира полка полковника т. Ляшенко, из дивизии для меня была получена путевка и я был направлен на санаторное лечение в г. Ялту.

В Ялте я пробыл с 8 по 22 июня. 22 июня вместе со всеми лечившимися в санатории из Белорусского военного округа, выехал из Ялты на фронт. 26 июня, утром, прибыл в г. Осиповичи, дальше в направлении границы поезд пропущен не был. Через несколько часов нас поездом направили в г. Бобруйск. 26 июня, после полудня, население города Бобруйска начали эвакуировать и к вечеру оно все было за Березиной. Я с рядом других командиров автомашинами был направлен в г. Рогачев, который стоит на берегу Днепра. 28 июня на перекрестке шоссе дорог: Рогачев-Пропойск и Гомель-Могилев, в местечке Довск, по приказанию генерал-майора, я задерживал всех бойцов и командиров, направляющихся на формировочный пункт в тыл от линии фронта. Задерживал также все свободные машины, за исключением авиационных и танковых частей. Здесь же формировались батальоны и автомашинами направлялись на фронт к Березине. 29 июня во вновь сформированный батальон 42 с.п. 44 с.д. зачисляюсь и я. Он автомашинами перебрасывается на Днепр под Рогачев, где занимает оборону и копает окопы. Ночью батальон снимается, погружается на автомашины и перебрасывается на Березину, под Бобруйск. 30 июня 1 и 3 роты идут на оборону реки, а 2 рота, в которой был я, получает приказ на засаду. До полудня наши войска были все выбиты, раненые на автомашинах были направлены в наш тыл. Наша рота получила приказ: оставить засаду и отойти до определенного рубежа. Этот рубеж мы достигли и заняли оборону. Нас поддерживало одно орудие. При появлении немецких танков, орудие открыло по ним огонь. Танки вперед не пошли, но начали обстрел нашей обороны. Орудие переменило огневую позицию. Под вечер нам было приказано отойти на новый рубеж обороны, за речку. Подходя к речке, мы увидели, что горят мосты. Мы делаем бросок и перебегаем горящий мост. Перебежав мост, через 300 метров мы заняли оборону. Здесь одна рота уже находилась в обороне. Левее, сзади нас, находились артиллеристы и несколько противотанковых орудий.

1 июля, утром, немецкие танки открывают сильный оружейный и пулеметный огонь. Наши артиллеристы подбивают несколько немецких танков, танки горят. Прилетели два немецких корректировщика, которые указали своим танкам, куда вести огонь. Наши артиллеристы героически вели себя. Наши пехотинцы не давали возможности немцам вылезти из танков и навести мост для переправы. Под вечер фашисты вывели из строя последнее наше орудие. Здесь капитан-артиллерист кончает жизнь самоубийством. Одновременно разведка донесла, что немецкие танки переправляются через речку в лесу, в нескольких километрах от нашей

обороны. Командир батальона остаткам рот дал приказ - с линии обороны постепенно отойти назад. Затем делаем ускоренный марш на расстояние 5-6 км и входим в хутор, что на шоссе, чтобы занять оборону. Уже вечерело. Вдруг из лесу вырываются немецкие танки и открывают бешенный огонь из орудий и пулеметов трассирующими снарядами и пулями. Многие наши падают мертвыми. Остальные отходят в направлении болота в надежде, что немецкие танки туда не пройдут. Немецкие варвары зажигательными снарядами зажигают крыши домов деревни, которая находилась вблизи от хутора. Наступающую темноту осветили горящие дома. При свете от пожаров, людоеды продолжали из танков обстреливать бойцов и командиров, отходящих через болото. Масса их танков прошла вперед в направлении Рогачева, ведя беспорядочную стрельбу. Я и лейтенант Корытов из Ленинграда шли сзади. Когда выбрались из болота, пошел сильный дождь. Когда мы добрались до одной деревни, что находилась в 5 километрах от шоссе, на нашей одежде не осталось ни одной сухой нитки. Ночь провели в деревне. Утром, узнав от населения маршрут на переправу через Днепр, мы, в количестве 60 человек, группами начали выходить, держась 10-15 км от шоссе. Мы переправились через Днепр, так как переправа оборонялась нашими войсками. Прибыв на то место, откуда мы в ночь с 29 на 30 июня перебрасывались на Березину, нашли там уже кадровую уральскую дивизию. Она прочно занимала оборону на Днепре. Здесь нам не разрешили оставаться. Направили нас в полк, который формировался за Пропойском. Группа в количестве 60 человек совершает 80 км марш от Днепра против Рогачева до Пропойска. С 6 по 13 июля занимаем оборону в районе Пропойска. Сначала весь 42-й с.п. занимает оборону возле Пропойска в направлении от Рогачева перед противотанковым рвом. Затем здесь оставляется один батальон, а два батальона снимаются и движутся за реку Проня, которая находилась в 3-х км от Пропойска по направлению Нерикова.

С 12 на 13 июля 44 с.д. в неполном составе занимала оборону по реке Проня, влево от шоссе Пропойск – Ферииков. 2 взвода: 1 стрелковый и 1 пулеметный находились справа от шоссе 250-300 метров. Были заложены взрывчатые вещества под мост, возле которого находились сапёры, которые должны были взорвать его, когда это будет необходимо. В полночь над нашей обороной с немецкого самолета была сброшена на парашюте светящая ракета. Оборона была подвергнута бомбардировке. Затем от штаба дивизии поступил приказ: «Шоссе не обстреливать», будут идти наши машины с ранеными из-под Днепра. Под утро было слышно гудение моторов. Еще было слышно, как гудение появилось на мосту. Это были немецкие танки. Как только один из них пересек мост, из него и со всего шоссе перед мостом открылся сильный оружейный и пулеметный огонь. Наши орудия так же открыли сильный огонь по

немецким танкам, на шоссе. Кто-то бросил бутылку с горючим на мост, содержимое воспламенилось, но мост не сгорел. Он не был взорван. Открыли огонь от реки и пулеметчики. В ходе этого боя наша артиллерия была подавлена и не отвечала. Немцы продолжали вести огонь из танков, которых я насчитал свыше 50, часть из них прошла вперед, а часть оставалась на месте. И не сходя с шоссе открыли по нашей обороне еще и минометный огонь. Немцы из танков не вылезали. Через несколько часов подоспела их авиация и начала бомбить нашу оборону. Пробомбив, улетела, затем через полчаса вновь вернулась. Во взводе, в котором был я, осталось 4 человека. С ними ползком по траве добрался в расположение пулеметного взвода. Там лежали убитые бойцы, пулеметы были выведены из строя. Враг заметил нас и открыл огонь. Мы ползком и перебежками среди кустов ускользнули от них. Взяли направление к реке Сож, чтобы переправиться через нее и избежать окружения. Мы подошли к реке Сож, где на противоположном берегу была деревня. Слева, из леса мы были обстреляны. Мы залегли и открыли огонь в том направлении, откуда вели огонь по нам. Противник прекратил огонь, и мы заметили: две фигуры в черных одеждах спрыгнули с деревьев и убежали вглубь леса. Лодки не было. В поисках лодки для переправы мы направились вверх по течению. Пройдя километра 2,5 – 3, на противоположном берегу мы увидели лодки. Здесь было несколько бойцов из других подразделений. Мы предложили мужчине, находившемуся по ту сторону реки, чтобы он нас перевез, что им и было сделано. Это место входило в оборону 107 с.п. Я насобирал группу в 27 человек из 42 с.п. и повел, чтобы соединиться с дивизией, обойдя врага там, где он будет остановлен соседними частями. Вражеские танки нас опережали. Представитель штаба 28 корпуса нас определил в 6 с.д., а последнюю в 25 с.п. Штаб дивизии послал меня в разведку до 25 км по берегу реки Сож, чтобы разведать, на каких участках и какие подразделения обороняют реку. В одну такую разведку я лично подбил мотоцикл немецкой разведки, раненых не удалось взять, а мотоцикл с картами был доставлен в штаб дивизии. Затем дивизия ушла на доформирование. Бойцы и командиры были переведены на боевой участок реки Сож, в районе деревни Христофоровки. На боевом участке был заместителем командира роты. А затем, по предложению представителя из корпуса, я был выбран парторгом боевого участка. 13 августа, рано утром, немцы перешли в наступление. Боевой участок героически сражался, переходил в контратаку, проявляя исключительную храбрость и находчивость. Наш командир, командир взвода мл. лейтенант Жуков, и мл. командир Полищук из 2 батальона. Здесь мы впервые встретили немецкую пехоту и косили ее своим метким огнем. Немцы не выдерживали и отходили назад. Их сзади подгоняли огнем из автоматов эсэсовцы. Мы видели, как немецкие молодые солдаты плакали. Немцы

вновь начали артподготовку. Затем был получен приказ отойти на новый огневой рубеж в д. Е (льня?) Здесь была заминирована дорога. Утром 14 августа мотоцикл немецкой разведки наехал на мину и был взорван. Убито при этом три немецких разведчика. Через несколько часов немцы зажигательными снарядами подожгли деревню и начали наступление танками. Бой длился несколько часов. Затем, по приказу, боевой участок оставил эту деревню и отходил несколько километров. 15 августа личный состав боевого участка вливается в 107 с.п. 55 с.д. в селе, где занимает оборону и ведет упорную борьбу. Затем был получен приказ с боями отходить за реку. С боями отходили. Форсировав реку, сразу же заняли оборону. На второй день разгорелся бой. Затем с боями полк отходил в направлении Злынки. У Злынки занимали оборону. Без боев полк был снят и направлен в район Нового Ропска. Там так же занимали оборону и так же без боев были сняты и переброшены к ж.д. Гомель – Изорск, в район села Деревни. 26 августа наш полк перешел в контрнаступление. Наш батальон в течение 10 минут занял село Деревни, имея небольшие потери.

Немцы оставили убитых и трофеи: 18 веломашин, 2 пулемёта и 2 пушки.

Но мы не имели артиллерийской поддержки, в то время как наш враг сосредоточил артиллерийский и минометный огонь.

Били пулемёты, село пылало. К вечеру был дан приказ выйти из села и занять оборону на возвышенности, которая находилась к востоку от данного села в 1 километре. Вышло всего 80 человек из батальона, остальные были убиты. Оборону заняли. Село заняли немцы. Видели, как они построили группу женщин и гнали перед собой к колхозному двору, который был на окраине деревни. Прикрываясь женщинами, они произвели осмотр колхозного двора. С наступлением темноты немцы заняли несколько окраинных домов, чтобы мы незаметно не могли подойти к селу.

Утром, 27 августа, немцы выслали в нашем направлении группу автоматчиков. Мы их обстреляли. Через некоторое время по нам их артиллерия начала вести огонь фугасными снарядами и шрапнелью. Отправка в тыл наших раненых давала возможность немцам установить, что мы не покинули оборону. До обеда они вели артиллерийский огонь. Ранен адъютант командира батальона, начальник штаба батальона лейтенант Рябинин. Я так же получил ранение в бок, но незначительное. Был дан приказ отойти, что и было сделано. При занятии обороны возле города Изорска я несколько дней провел в полевой санчасти, а затем командир полка Коротков назначил меня заместителем командира роты связи. Через несколько дней с боями отходили к Десне, на переправу. Когда переправлялись через Десну, заняли оборону возле д. Степановки.

Затем дивизия получает приказ отойти на помощь защитникам Киева. 10 сентября, на станции у деревни Григорьевка, происходят сильные бои. Затем дивизия отошла в направлении Парадеевки. 12 сентября находились в Парадеевке. Ночью с 12 на 13 сентября оставили Парадеевку и совершили марш в Иваницкий район Черниговской области. 13 сентября заняли оборону. 14 сентября 13 немецких пикирующих бомбардировщиков бомбардировали только наш полк и обстреливали с бортового оружия. В течение нескольких часов немецкие танки обстреливали нашу оборону. Затем был дан приказ выйти из боя. Когда оторвались от врага, и дивизия сосредоточилась в небольшом лесу, стало известно, что мы должны с боями выходить из окружения. 17 сентября мы оказались около реки Удай, через которую мы должны были переправиться. Немцы встретили нас орудийной стрельбой. С левого фланга подошли наши. Разгорелся сильный бой. С полудня немецкие пикирующие бомбардировщики начали бомбить и обстреливать с бортового оружия оборону нашей дивизии. К вечеру дивизия должна была оторваться от врага, что и было сделано. При прикрытии отхода я получил пулевое ранение в левое бедро. Затем передвигался с дивизией на двуколке роты связи. До 3-х часов ночи, пока производили разведку, дивизия отдыхала в степи в нескольких километрах от местечка Ладан. С 3-х часов 18 сентября дивизия через м. Ладан начала совершение марша на Пирятин. Когда начали выходить из с. Матвеевка, фашисты из-за реки Удай начали артиллерийский обстрел дивизии. Дивизия рассредоточилась в степи, продолжая марш на переправу. Но когда подходили к деревне, где был мост через реку Удай, дивизия была обстреляна из танков. Дивизия повернула опять на с. Матвеевка и заняла оборону. В это время штурмовая немецкая авиация на бреющем полете начала обстрел дивизии, с трех сторон начали подходить немецкие танки. В дивизии нашлось несколько орудий, но не было снарядов. Выход один: форсировать реку с сильно заболоченными берегами. Но по ту сторону реки так же были немцы, которые вели артиллерийский огонь по дивизии. Были приведены в негодность орудия и средства связи. Дивизия начала форсировать реку, чтобы с боем при наличии ручного оружия выйти из окружения. Людей было мало. Сколачивали плоты. В двух местах была возможна переправа. К окраинам села подошли немецкие танки, но в село не входили. Командир полка через начальника связи полка передал приказ на вторую переправу, где я и оказался, что 1 из политруков выходит последним, чтобы переправить всех бойцов. Я начал приказ приводить в исполнение. Переправа длилась до 12 часов ночи, так как средств переправы было мало. Переправиться надо было не прямо на противоположный берег, ввиду заболоченности берега, а левее метров на 400».

К сожалению, на этом воспоминания Петра Алексеевича Таланова обрываются.

О его дальнейшем участии в Великой Отечественной войне, в своих воспоминаниях о Таланове рассказывает его коллега по работе в агрохимлаборатории Екатерина Филипповна Егорова.

«когда выходил из окружения, был тяжело ранен в ногу. Часть, где он служил, распалась и выходил кто как мог. Он остался один, рана очень болела. Как-то заметил, что кто-то прячется за кустами. Оказалось, что это тоже солдат, выходит из окружения. Несколько дней пробирались вдвоем, с надеждой выйти к своим. Нога болела, идти становилось все труднее. Солдат этот попался с какими-то чуждыми взглядами, все пытался склонить Петра Алексеевича сдаться немцам и идти в полицию, но он такой мысли не допускал. Говорил ему, что если я тебе в тягость, то брось меня, иди один. Но он внешне старался показать себя как надежный товарищ. Но вот (буду говорить от лица Петра Алексеевича) я прилег на кустарник и прикрыл глаза, сделал вид, что приснул, и слышу, как он засуетился и стал убежать. И убежал. Видимо не хотел со мной таскаться, так как я был ранен.

Так Петр Алексеевич остался один. Потом вышел к какой-то деревне на территории Белоруссии. Увидел, что мужчина и женщина приехали брать солому из стога. Вышел к ним. Рассказал им все и попросил привезти одежду. Они уехали, а сам отошел обратно в лес. Время было такое, побоялся, вдруг предадут. Но они вернулись. Привезли одежду и еду. Рассказали, что кругом занято немцами, и указали путь, куда лучше податься. Петр Алексеевич рассказывал, что потом он переоделся, закопал одежду свою и документы в приметном месте, думал, вот найду своих, вернусь и возьму. Но вернуться не довелось. Вышел в другую деревню, в крайней избе его приняли, объявили, что это их родственник. Какое-то время он жил у них, ремонтировал обувь. Но вскоре кто-то донес в полицию, пришли, забрали. Потом повезли с такими-же, как и он, в Германию. Там, в комендатуре, учинили допрос. «Я назвался «бауэр» (крестьянин) из Сибири. Так все говорили, потому что надеялись, что определят на сельхоз работы, оттуда легче убежать. Но определили работать к старой, богатой немке в работники. Выполнял за скудную еду всякую черную работу. Был истинно рабом. Но мысль о победе не покидала. Потом хозяйка толи решила избавиться от него, толи по какой другой причине, его перевели работать на большую фабрику. Там работали пленные русские. Работать заставляли до изнеможения, но находились такие, которые и в плену вели подрывную работу против фашистов. Так в один из дней перерезали все приводные ремни на фабрике. Фабрика остановилась. Всех зачинщиков, в том числе и Петра Алексеевича, забрали и погнали в неизвестном направлении под конвоем. Говорили, что гонят к морю – топить. Гнали, как скот, кто падал, пристреливали. Однажды у дороги дали возможность отдохнуть. На миг приснул, увидел сон – три

даты: две расплывчатые, третья отчетливая - 5 мая. Подумал, что бы это значило, к чему это? Но разгадка пришла позже. Никогда в сны не верил, а тут сам не мог объяснить, совпадение это или рок судьбы. После этого дважды пытался бежать, но неудачно, возвращали назад. Третий раз, это было как раз 5 мая, ушел. Не вернули. Как получилось? Остановилась колонна военнопленных на обед возле какого-то кладбища, возле ограды. И один немец, что раздавал еду, оказался на редкость добросовестным, всё старался почерпнуть черпак баланды, чтобы каждому попал в котелок кусок свёклы. Воспользовавшись этим замешательством, Петр Алексеевич перепрыгнул через ограду и побежал. Побежали и другие.

Когда увидели, Петр Алексеевич был уже у леса. Сильной погони не было, видно решили, что не велика потеря, если убежал пленный. А куда? Кто скажет, куда идти? Кругом чужая страна. Говорит, теперь будь, что будет, иду по дороге, на обочине разбитая техника, кострищи, видно, что шли бои. Вдруг, вижу много солдат (говорит, что теперь на самого себя смешно, как вспомню), подхожу, спрашиваю чьи войска? Оказывается, это наши союзники – американцы. Они, правда, взяли, покормили, а потом сообщили куда следует. И он попал уже в свой лагерь, лагерь, куда сажали за плен своих солдат. Пробыл он там долго. Вернулся домой уже задолго после окончания войны.

Фёдоров Иван Павлович

Родился 15 августа 1916 года в деревне Мартюхи Торопецкого района. Образование высшее. До войны был кредитным работником Торопецкого Госбанка.

Начинал войну рядовым солдатом-пулемётчиком, потом получил звание сержанта, старшего сержанта, командовал отделением.

Никогда не изгладятся из памяти народная года Великой Отечественной войны. Мне особенно незабываемы дни и ночи героической обороны Сталинграда, окружения и пленения армии Паулюса. Наш отдельный артиллерийско-пулемётный батальон прибыл под Сталинград в сентябре 1942 года в район Дубовки и вскоре занял первую линию отведённого участка обороны.

Батальон был хорошо оснащён вооружением, имелись противотанковые ружья, пулемёты, лёгкие пушки. Личный состав хорошо знал свою боевую задачу и приказ Верховного Главнокомандующего «Ни шагу назад». Наш командир батальона майор Улисов говорил словами Котовского: «Ни шагу назад, только вперёд, а если убьют - и то падать головой вперёд».

Воины показывали в этой великой битве чудеса героизма, шли на смерть, но не пропускали врага. Бойцы нашего батальона ни разу

не отступили, днём и ночью вели огонь, отражая бешенный натиск фашистского зверя. Гитлеровцы возмущались, что мы воюем «не по правилам», обстреливаем их по ночам. Даже плакаты вывешивали с предложением заключить негласное перемирие на ночь. Но у нас было своё, советское правило – бей фашистского зверя без передыха в любое время суток.

Запомнился такой эпизод. Когда 19 ноября 1942 года наша артиллерия нанесла сокрушительный удар по позициям немцев и началось генеральное сражение по окружению 330-тысячной фашистской группировки, командование приняло решение по пленению румынского полка, стоявшего на нашем правом фланге. Моральный дух невольных союзников гитлеровской Германии был подавлен, сломлен.

Начальник разведки старший лейтенант с одним разведчиком (фамилии их, к сожалению, не помню), с белым флагом в руках направились к линии обороны полка. Это был риск и огромный: румыны воевать не хотели, но сдаваться боялись, опасаясь каких-то репрессий со стороны советских бойцов, сказывалась психологическая обработка гитлеровской пропаганды, возводившей против нас всяческие небылицы, утверждавшей, что мы «варвары», всех пленных перебьём или сошлём на каторгу в Сибирь.

Но несмотря на риск, смельчаки пришли в расположение полка, потребовали, чтобы их провели к командованию. После некоторых проволочек командир полка принял наших разведчиков. Во избежание ненужного кровопролития разведчики от имени нашего командования предложили полку сдаться. К утру решение было принято, ибо полку грозил страшный огонь наших «катюш». Полк во главе с командиром сдался в плен. Разоружив пленных, советские воины немедленно заняли их позиции...

2 февраля из подвальных помещений с поднятыми руками вышли последние фашистские офицеры. Сталинград был закатом немецко-фашистских войск. После этой битвы гитлеровцы уже не могли оправиться.

Город был разрушен до основания. На его руины страшно было смотреть. Я не видел ни одного уцелевшего дома. Но те, кто остался жив, ликовали победу, верили, что город восстанет из пепла, станет ещё краше, что его слава, слава тех, кто отстоял здесь насмерть, не померкнет в веках.

После короткого отдыха и переформирования мы поехали громить фашистов на Курскую дугу.

В Курском сражении принимал участие на Воронежском, Степном и Центральном фронтах в составе 6-й армии, 52-й гвардейской дивизии, 151-го стр. полка командиром отделения ПТР. Полк принимал 1-й бой 5 июля 1943 г. С декабря 1943 по сентябрь 1944 был в военно-политиче-

ском училище. После его окончания воевал на 2-м Украинском фронте в 252-й дивизии. Был политработником.

Прошёл Венгрию, Австрию, Чехословакию. 8 мая 1945 г. дивизия заняла город Зноймо в Чехословакии. Демобилизовался в январе 1946 г. с должности парторга отдельного батальона.

Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

После войны работал в финансовых и советских органах.

Шурков Т.

Вскоре после освобождения нашего района от фашистских оккупантов я был призван в армию. Меня направили на учёбу на курсы лейтенантов, а после окончания курсов – в 16-ю гвардейскую дивизию, которая освобождала Торопец. Ведь 249-я дивизия генерала Тарасова после блестяще-проведенной Торопецкой операции стала 16-й гвардейской.

В составе этой прославленной дивизии я сражался под Велижем, Невелем, на территории Латвии. Много было боёв. Но среди них есть особенно памятные.

... Путь наступающему полку преградил вражеский дзот. Местность открытая, фашистские пулемётчики, засевшие в дзоте, пристреляли её. Солдаты, посылаемые командиром полка Кориешовым для уничтожения дзота, гибли. Тогда было решено уничтожить дзот вечером. Выполнить эту задачу было приказано роте, которой командовал я. С наступлением темноты я, старший сержант Матвеев и солдат Коваленко стали подползать к дзоту, прижимаясь к земле, когда в августовское небо взлетали фашистские ракеты.

Вот уже близко дзот. Старший сержант Матвеев метнул гранату. Но из дзота раздалась пулемётная очередь. Я находился слева от дзота, меня фашисты не заметили. Бросив гранату, я вместе с товарищами ворвался в дзот. Мы взяли в плен оставшегося в живых гитлеровского пулемётчика, дали сигнал своим, что путь свободен. За выполнение этого задания я был награждён орденом Красной Звезды.

... Окружённые под Полоцком фашисты пробивались к своим. Нашей группе было дано задание уничтожить отступающих оккупантов. На ведущей к фронту дороге мы сделали засаду. Вскоре в бинокль я увидел, что по дороге движется немецкая автомашина. Пулемётчику Воробьёву дал команду подпустить поближе её. Когда машина приблизилась, Воробьёв дал по ней очередь из станкового пулемёта. Машина остановилась, но фашисты открыли огонь по нам. Завязался бой. Нам пришлось пу-

стить в дело гранаты. Ни один фашист не ушёл. Впоследствии оказалось, что в машине ехали штабные офицеры одной из немецких частей. Мы захватили ценные документы, доставили их командованию. Все мы были представлены к наградам. Мне вручили медаль «За отвагу».

Воевал я на разных участках фронта. Был дважды контужен. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, двумя медалями «За отвагу».

Мне не довелось участвовать в окончательном разгроме врага. После второй контузии стал инвалидом, вернулся домой. Несмотря на подорванное здоровье, работаю в родном совхозе «Пожинский». И всегда чувствую себя солдатом, горжусь, что в суровые годы войны сражался за счастье Советской Родины.

Исаков Василий Александрович

Помню, 21 июня актив города Торопца смотрел в районном Доме культуры премьеру спектакля нашего самодеятельного театрального коллектива по пьесе Н. Погодина «Падь серебряная». Постановку разбирали долго. Спорили о достоинствах и недостатках спектакля.

Рано утром 22-го я зашел в райком посмотреть сводку. В колхозах района шел сенокос. Известно, что деревня в страдную пору по воскресеньям не отдыхает. И мне, тогда секретарю райкома, хотелось проехать по хозяйствам, поговорить с людьми, поработать вместе с ними. Неожиданно раздался телефонный звонок. Звонили из обкома партии: предупредили, чтобы я никуда не отлучался и вызвал в райком членов бюро. Повяло тревогой...

В полдень по радио мы услышали сообщение правительства о том, что фашистская Германия напала на нашу Родину. Не буду описывать всего, что происходило у нас в тот день. Наверное, он везде был, в общем-то, одинаков. Сразу же с площади, от репродукторов, торопчане устремились к военкомату. Просьба и желание у всех были одни: «Отправьте в бой!». В первую неделю войны Торопец послал на фронт более 2 тысяч военнообязанных. Кроме того, райвоенкомат направил в действующую армию добровольцами 408 женщин.

Райком партии перестраивал работу на военный лад. В городе были созданы отряд противовоздушной обороны, санитарный и истребительный батальоны. Последний вскоре вступил в дело — на железнодорожной станции Мартисово уничтожил сброшенных с самолета диверсантов. Затем наши истребители во главе с заместителем командира, секретарем райкома партии Ф. П. Бухарковым вели бой против вражеского десанта под городом Белым (в то время Смоленская, ныне Калининская область),

участвовали в сражении за поселок Плоскошь — центр бывшего тогда Плоскошского района. Поселок дважды переходил из рук в руки.

Враг приближался. 22 августа мы созвали бюро райкома партии. В городе и районе заканчивалась эвакуация на восток основных материальных ценностей. Отправлялись последние гурты колхозного скота, тракторы МТС. Вопрос на бюро стоял один: создание партизанского отряда.

Командиром отряда был утвержден кадровый военный А. П. Климов. Его прислал к нам штаб Северо-Западного фронта. Комиссаром — пишущий эти строки. Начальником штаба — председатель исполкома райсовета Н. С. Семенов. В состав отряда вошли все члены бюро райкома партии.

Мы приняли в отряд 60 человек. Опыта у нас, естественно, не было. Даже от тех, кого намечали взять в отряд, порой приходилось слышать: «А что может сделать горстка людей с винтовками против вооруженных до зубов оккупантов, коль их не могла остановить армия?». Решили брать только самых надежных. Потом убедились, что поступили правильно. Отряд стал боеспособным. А после первых удачных боев вырос почти вдвое, пополняясь за счет местного населения. Но это было после. А тогда...

С тяжелым чувством покидали мы город. Где-то в душе все еще теплилась надежда: а вдруг удастся остановить врага здесь, под Торопцем?

Возле МТС мы дважды обстреляли прорвавшуюся к городу вражескую разведку. Основная часть отряда ушла на партизанскую базу к лесному озеру Должье. В городе осталась лишь оперативная группа. Оружия у нас было мало, в основном то, что имелось в истребительном батальоне, — два ручных пулемета, винтовки. Мы решили добыть оружие в боях за город вместе с воинами Красной Армии. Частично нам это удалось.

Когда стало ясно, что враг овладеет городом, мы вместе с военными подорвали на железнодорожной станции стрелки и крестовины. На прощание командир подрывной группы подарил мне новенький автомат ППД. Военные отступали к Андреаполю. Мы ушли в лес, на запад. Это было 29 августа 1941 года.

Партизанскую базу у озера Должье было поручено создать заведующему организационным отделом райкома партии А.Ф. Афанасьеву и заведующему военным отделом (были тогда в райкомах и такие отделы) А.К. Пильфу. Они сделали все, что требовалось. Но уже при первых столкновениях с противником мы поняли, что место выбрано нами неудачно. В 10 километрах от базы — город, занятый врагом. База почти просматривается с основного большака Торопец — Холм. И неудивительно, что оккупанты вскоре обнаружили её и накрыли минометным огнем. На наше счастье, на базе в то время никого не было.

Пришлось срочно перебазироваться. Местом новой стоянки выбрали глухие леса в районе деревень Пожня, Заболотье, Малаши, Подолино, Зайцево. Через эти леса проходил Чистовский большак. Сейчас, со строительством новых асфальтовых дорог, он стал обыкновенным проселком, потерял свое значение. А тогда по нему шло интенсивное движение. Большак этот напрямую связывал Торопец с соседним районным центром Сережино, откуда шел путь на Андреаполь, Пено и далее к фронту. Здесь, на Чистовском большаке, мы и устроили первую крупную засаду — 31 августа, на второй день после захвата фашистами Торопца. Нам хотелось сразу же показать, что город и район не сдались, продолжают бороться.

Вместе с группой в составе И.К. Капралова, З.Ш. Рывкина, Ю.Я. Бояринова, П.Ф. Никитина, И.Н. Горбунова, О.Е. Ельцова, В.В. Васильева, В.Н. Никонова и других бойцов я и командир отряда Климов открыто, не таясь, вышли на большак. Высокий, черноволосый, в военной форме, Климов походил на героя гражданской войны.

Кто-то из товарищей сказал:

— Кого нам бояться! Мы у себя дома, на своей земле. Пусть боятся оккупанты.

Потом мы, правда, убедились, что осторожность партизану нужна не меньше, чем смелость. Но тогда об этом мало кто из нас думал.

Засаду устроили в таком месте, где большак круто, почти под прямым углом, поворачивал в лес. Разбились на две группы. Одна засела на пригорке, в мелком ельнике, возле дороги. Вторая с двумя ручными пулеметами выдвинулась за поворот, в густолесье. Условились, что первая группа без выстрелов пропустит фашистов, а когда вторая из лесу откроет огонь, неожиданно нападет с тыла. Самый молодой боец отряда Дмитрий Струев забрался на дерево.

Лес был полон жизни. На деревьях вовсю хозяйничали дятлы. В листве, еще непожелтелой, раздавался перезвон птичьих голосов. И казалось, что нет войны, что все мы пришли сюда отдохнуть, насладиться лесным воздухом.

...Струев просигналил: «Едут мотоциклисты. Около 30 машин». Командир послал связного во вторую группу, чтобы там приготовились к бою.

Первыми на дороге показались велосипедисты. Наш сигнальщик ошибся, принял их издали за мотоциклистов. Но за велосипедистами действительно двигались солдаты на мотоциклах. Ехали без страха, о чем-то переговаривались на ходу. Вооружены гитлеровцы были намного лучше нас. У велосипедистов на ремнях «шмайссеры», на мотоциклах — пулеметы.

Как было условлено, первая группа пропустила колонну без выстрела. Велосипедисты втянулись в лес, за поворот, и тут спереди по ним разом ударили оба наших пулемета. В колонне раздались взрывы гранат, брошенных с дерева Струевым. Мотоциклисты попытались развернуться. Но их встретил прицельный огонь с тыла. Отовсюду раздавались выстрелы, летели гранаты. Бой длился минут пятнадцать, а нам показался одной яростной секундой. Гитлеровцы были сражены партизанскими пулями.

Когда выстрелы на большаке стихли, мы повыскакивали на дорогу, принялись разбивать уцелевшие машины. В азарте позабыли об осторожности и чуть не поплатились за это. К счастью, наш сигнальщик успел предупредить нас о появлении на большаке солдат. Двигалась большая колонна фашистов. Она открыла огонь из минометов и орудий. Мы едва успели скрыться в лесу. Обошлось без потерь. Но группы отошли в разные стороны. Место для отхода заранее не было определено. Отряд разделился на три части.

Соединиться оказалось не так просто. Осень стояла сухая. Все дороги были проезжими. И в первые дни оккупации района фашистская армия лавиной двигалась по всем проселкам и большакам. Выходить на них в открытую, тем более маленькими разрозненными группами, было очень опасно. Соединиться мы смогли только через две недели после боя.

Позже из бесед с жителями Чистовского сельсовета мы узнали: оккупанты приняли наш отряд за окруженное в лесу подразделение бойцов Красной Армии. Так они объяснили свои потери. Что ж! Нам нужна была не слава. Нужно было убедиться, что фашистов можно бить и с нашими силами.

Болью в сердце отозвались первые потери. Погиб, выполняя боевое задание, партизан Юрий Бояринов. Фашисты схватили В.М. Евграфьева и А.П. Ларионова, оставленных в Торопце с задачей узнать, как сложится обстановка в городе в первые дни оккупации, какой гарнизон останется для его охраны. Василий Минаевич и Артемий Панкратьевич выполнили задание, но при выходе из города были задержаны. У них нашли оружие. Фашисты пытали Евграфьева и Ларионова, добивались, чтобы они сказали, кто и зачем оставил их в городе, где скрывается штаб партизан. Патриоты не выдали тайны.

23 сентября их повели на центральную площадь города, на казнь. Вешали на дубу, что рос возле здания Госбанка. На площадь согнали много народу. Офицер комендатуры через переводчика сказал Ларионову:

- Укажи, где партизаны, будешь жить.
- Смерть фашистам! — с петлей на шее крикнул Ларионов.
- Да здравствует Советская власть! — бросил в лицо палачам Евграфьев.

Отряд продолжал поддерживать связь с городом. Партизан В.К. Орлов часто пробирался в оккупированный Торопец, где у него оставались две дочери. Через них мы узнавали о событиях в городе, о действиях оккупантов. Однажды Орлову удалось установить, что в Лужницкий сельсовет на автомашине в сопровождении солдат выезжает крупный чиновник ортскомендатуры. Мы выслали на эту дорогу засаду. Автомашина была сожжена, гитлеровцы уничтожены.

Не раз по заданию командования отряда ходила в оккупированный город партизанка Е.М. Маркова. Уже перед освобождением Торопца, в январе 1942 года, она была схвачена фашистской охраной. Семь дней ее держали без пищи и воды в холодной церкви. На восьмой день ей удалось бежать. Смелая женщина вернулась в отряд и принесла ценные сведения, которые мы сразу же передали лыжникам 249-й стрелковой дивизии 4-й Ударной армии.

От наших связных мы узнали о казни П.Н. Добрынкина и И.Т. Львова. Коммунист Павел Николаевич Добрынкин до войны был слесарем на Торопецком льнозаводе. Когда в город пришли фашисты, он отказался на них работать. Его повели на площадь к виселице, потребовали: «Отрекись от партии». Добрынкин ответил: «Нет! Не отрекусь. И работать на вашего Гитлера не буду...». Его повесили и тут же вынули из петли. И опять предложили:

«Отрекись — будешь жить». Он трижды ответил: «Нет!»

Я и сейчас мысленно представляю, как стоял этот человек перед палачами, перед всей фашистской сворой. Безоружный, он был сильнее врага. Потому что был коммунистом, верил в победу нашего правого дела.

Железнодорожника И. Т. Львова оккупанты привели на станцию под конвоем. Заставили:

— Работай!..

Он не стал возражать. Но вскоре фашистские поезда из Торопца перестали доходить до станций назначения. Отказывали рукава тормозных систем, в тендерах с углем стали находить мины, в бумажках обнаруживался песок. Фашисты выследили Львова. Связанного, привезли домой. На глазах у семьи подвесили на проволоке к потолку. Стали бить его больную мать, жену, мучить сына Витю — грудного ребенка.

— Скажи, кто тебе помогал? — спрашивал все время офицер-гестаповец.

Львов не назвал палачам ни одного имени.

Гневом, жгучей ненавистью наполнились сердца бойцов отряда, когда мы узнали о садистской расправе с нашими товарищами. Все рвались в бой. Мы устроили засаду на большаке Торопец — Холм, в глухом лесу между селами Крест и Пожня. Неизменный сигнальщик Струев передал с дерева: «Вижу крытый грузовик. Впереди разведка на мотоциклах».

— Значит, везут что-то важное, — сказал командир.

И не ошибся. Мы пропустили разведку и открыли огонь по грузовику зажигательными пулями. Мотоциклисты, услышав выстрелы, прибавили газу и скрылись. Грузовик загорелся. Из него, яростно отстреливаясь, стали выскакивать гитлеровцы в офицерской форме. Грузовик оказался штабным. К сожалению, нам не удалось захватить документы. Они сгорели вместе с машиной. Зато 22 фашиста навсегда остались лежать в пожинской земле.

В этом и других боях особенно отличились партизаны И.М. Павлов, Т.С. Жаринов, Д.С. Струев, А.К. Пильф, К.Д. Рейскарт, Н.К. Капралов, Ф.Р. Виноградов, В.К. Орлов. Храбро сражались и наши женщины-партизанки Эмилия Садэль, Елизавета Маркова, Мария Сергеева.

Самому старшему в отряде, Федору Романовичу Виноградову, было 70 лет.

— Пока есть в руках сила, а глаза видят, буду бить проклятых гитлеров, — поклялся он, принимая оружие.

Как-то в лесу мы нашли брошенный гитлеровцами тол: небольшие цилиндрики с дырками для капсюлей. Здесь же, в отдельном мешочке, были капсюли. Богатством этим сразу же завладел Виноградов. Целый день он «мороковал» над ним в землянке, а к вечеру положил передо мной и Климовым безобидный с виду деревянный ящичек.

— Видал, комиссар, шкатулочку? Давайте мне самых смелых. Надо проверить.

Смелые в попутчики Федору Романовичу, конечно, нашлись. Вернулись они к утру. А днем на одной из лесных дорог мы услышали взрыв. Посланные туда разведчики доложили: подорвалась вражеская автомашина. Федор Романович улыбался в свои запорожские усы:

— Подкинули фрицу шкатулку.

Много фашистских машин и повозок подорвалось на «шкатулках» Виноградова. С их помощью в бывшей усадьбе деревни Савино был подорван вражеский склад с авиабомбами и снарядами.

Отряд рос. В первые дни боев из деревень Мишково и Ватолиха к нам пришли колхозники И.П. Веселов, Р.И. Илларионов. Появились помощники у нас в деревне Подolino, Зайцево, Заболотье, Малаши, Шейно. В деревне Подolino нужно было найти явочную квартиру. В отряде воевал Логин Афанасьевич Макаров, председатель местного колхоза. Он предложил:

— Пойдемте к моей Павловне.

Я заколебался. Надо ли подвергать ее риску? Ведь фашисты и так охотятся за семьями руководителей. Но Евгения Павловна сама разыскала нас и предложила помощь. У Макаровых была дочь полутора лет, Альвина, и двое сыновей — Иван и Алексей. Ивану шел восемнадцатый,

Алексею — пятнадцатый год. Его мы звали Леней. Братья стали нашими разведчиками и связными. Иван весь в отца, серьезный. А Леню мать охарактеризовала сама:

— Он у меня глётский.

По-местному это означало находчивый, сообразительный, проворный. Вскоре мы убедились в этом сами. В Подолине отряд оставил своих лошадей. На базе не было конюшни. К тому же лошади могли выдать нас своим ржанием. А они нам были нужны для конной разведки и перевозок. И вот однажды в Подolino нагрянули гитлеровские фашисты и потребовали лошадей. Пока они ходили по дворам, «глётский» Леня схватил шапку в охапку и, недолго думая, угнал партизанских лошадей в лес.

Братья Макаровы ходили в разведку в самые опасные места и всегда возвращались с нужными сведениями. Старший, Иван, сразу после освобождения Торопца от оккупантов ушел в действующую армию. Алексей (ему не хватало лет) попал в ее ряды только в 1944 году. Оба разведчика погибли на фронте.

Ходила в разведку и сама Евгения Павловна. Возьмет на руки Альвину и пойдет по деревням узнавать, не видел ли кто ее сыновей, запропалились, мол, куда-то. У ее сестры, Таисии Павловны Богаченковой, тоже было два сына — Александр и Николай, ровесники братьев Макаровых. И они стали в ряды народных мстителей.

Макаровы, Богаченковы, Наталья Семеновна Медведева и другие колхозницы ходили в разведку, возили зерно на мельницу в село Бельково, пекли для отряда хлеб, стирали наше белье, лечили раненых. Они знали, что за помощь партизанам им грозит смерть, но до самого последнего дня, когда в январе 1942 года мы с лыжниками 249-й стрелковой бригады 4-й Ударной армии ушли освобождать Торопец от врага, продолжали помогать нам всем, чем могли.

Пять месяцев вели мы смертный бой с фашистами за наше правое дело. Но так же, как великие реки образуются из ручейков, крепла с каждым днем в то суровое время освободительная мощь советской Родины.

Алексеева Зоя Борисовна

Я родилась в 1932 году, 8 января, в 8 часов вечера, на второй день после Рождества, а записана 9-го. Жили мы тогда в деревне Князево Идрицкого (ныне Себежского) района.

Отец, Новиков Борис Ильич, был сыном купца 3-й гильдии. Когда ему не было и года, он остался без отца, который трагически погиб. Он был из большой семьи, жили они все в одном доме: родители, пять сыновей с невестками. А потом решили отделяться, вот тогда и пришла беда в семью моего папы. Его отец Илья пошёл косить, и когда стал точить косу, споткнулся о кочку, упал и коса попала прямо в сердце. Бабушка Надя в 27 лет стала вдовой, одна с недостроенным домом, с двумя маленькими детками. Сразу вся седая стала. И пришлось ей самой и дом достраивать, и детей поднимать. К сожалению, её маленькая дочка умерла. А когда мой отец уже стал взрослым, бабушка Надя вышла замуж за Кузьму из соседней деревни Ливицы.

Моего отца, хоть он и был купеческим сыном, не раскулачили, он одним из первых вступил в колхоз и работал на общих работах.

Мама, Александра Фёдоровна, умерла, когда мне было 3 года. Может быть, она заразилась туберкулёзом от брата, а может быть, как говорила бабушка, она простыла, когда ткала на кроснах в сарае. Было холодно, а мама была легко одета, в лёгком платочке. Заболела воспалением лёгких и умерла.

Отец вскоре женился, и у меня появилась мачеха - Марфа Максимовна. Она была грамотной. Она меня воспитывала и даже учила. Учили мы с Марфой Максимовной стихи, она знала их очень много, и я до сих пор помню некоторые из них. До школы она научила меня читать по тем учебникам, по которым учили неграмотных взрослых. Поэтому когда я пошла в первый класс, учиться мне первое время было неинтересно, я уже умела писать и читать. В школу я ходила в деревню Горы и до войны закончила два класса.

Отец был на Финской войне. Тогда были сильные морозы, и он писал в письме Марии Максимовне: «Не пускай Зою в школу, очень холодно».

Когда началась Отечественная война, отец ушёл на фронт. Деревня у нас была большая, но на войну забрали только моего отца и его двоюродного брата.

12 июля, как только немцы в деревню вступили, мы из деревни выехали. Ехали на лошадях, отец был на фронте в это время, а за ним была закреплена лошадь Серко, и вот мы с мачехой на этой лошади и ехали. А когда услышали, что в деревне стреляют, мы в лес скорее свернули. А немцы и по лесу начали стрелять, только сучки летят. И немецкая рама летит над нами и все стрекочет. Но никого не убило.

Когда немцы вступали в деревню, наверное, целую неделю лавиной шли. Кошке дорогу было не перебежать. И как нам было страшно! И танки, и машины крытые. И всё говорили, что Москва будет завтра взята.

Когда пришли немцы, к ним стали поступать на службу полицаи. Это были те, кто в колхозе не работал. Один из них так немцам прямо и сказал: «Я вас ждал, на Сталина не работал». А переводчик ему ответил: «На Сталина не работал, и на Гитлера не будешь». И в полицаи его не взяли.

Когда у нас начиналась партизанщина, их всего было несколько человек. Сыну маминого брата Петру и ещё одному парню Валентину партизаны дали задание: убить полицейского, тоже местного. Они задание выполнили, а полицейский этот приполз, выжил, и указал на тех, кто его убивал.

Немцы парней искали, но не нашли. Тогда вывели на улицу Петиного отца и водили вдоль леса, вызывали парней, чтобы они вышли, иначе расстреляют отца. Они не отозвались и дядю Мишу расстреляли. Он был лучшим кузнецом в деревне, точил серпы, всё умел делать. Дом их подожгли, детей на улицу выгнали, а детей у него было 7 человек. Все они пришли к нам жить, и мы, конечно, боялись, что и нас расстреляют. Пожили немного, а потом в колхозный дом ушли жить.

Недели через две немцы их всё же поймали и везли мимо сожженной печины. Больше мы о них ничего не слышали.

Почти каждую ночь приходили «партизаны». Хотя кто это был, неизвестно. Однажды пришли и из-под меня выдернули простынь. Говорят, ишь ты, ещё на простыни спит. Обобрали все, лучшее там что-то было припрятано, а всё детское обобрали. Пришла суббота и нечем смениться. Вот так всё забрали. Это были такие, как их называли, были зелёновцы. Они прятались и от немцев, и от наших. Занимались грабежом. Грабили, обирали всё, население избивали, и мамку ударили. Забирали скот у людей. У нас увели корову. Она, правда, вернулась через некоторое время, но потом её опять забрали.

Однажды под видом партизан пришли какие-то люди. Такой Тимофей в деревне жил, их 4 брата было. Пришли к нему, говорят, покажи, где немцы находятся. Он и стал дорогу показывать и повёл их. А это оказались полицаи из наших. Они его избили, Тимофей только до дома дополз и скончался.

Страшно было во время обстрела нашего дома. В деревне Горы, куда я ходила в школу, стоял немецкий гарнизон, партизаны на него напали. Из Идрицы, которая была в 10 километрах от нас, немцам шло подкрепление. Партизаны напротив нашей деревни заложили мины, поэтому перед немецкими машинами шли сапёры, но всё равно машины нарвались на эти мины. И тогда пошёл обстрел. А мы дома с мамой сидели. Стрельба была

страшная, и всё трассирующие пули. И к нам в дом, через окно залетела пуля, прямо в печку. Выползли мы на улицу и за фундаментом дома спрятались. Фундамент высокий был. А пули так и летят, так и летят, грохают. Я поднялась и побежала в окоп, который за домом был. И сразу 2 пули в стенку окопа. Я вою, кричу, мне страшно, а маме не подняться, пули свистят. Всё-таки приползла и меня оттуда достала, а то думает, немцы пойдут и нас застрелят.

А потом партизаны пришли в деревню и брали людей, чтобы нести раненых. То, что пережили, не описать, какой ужас был.

Население деревни, в которой гарнизон немецкий находился, и на который партизаны нападали, почти всё погибло. Такой обстрел там был.

Там и немцев много уничтожено было, хоть они и окопались.

Деревня Князево была большая, около 30 детей ходило в школу, половина ходила в Горы в школу, а остальные в Зародище. Так очень мало этих учеников осталось, совсем несколько человек, остальные все погибли.

Из нашей деревни 10 девушек забрали в Германию. Отбирали самых рослых. Должны были забрать ещё двоих, но они вместе с семьями ушли к партизанам. В Германии эти девушки работали в хозяйствах у немцев, на фабриках, а после войны все вернулись домой, в деревню.

Деревню Борки, которая находилась за 3 километра перед нами, немцы сожгли. Два дома только осталось. Людей, правда, немного погибло, а дома сожгли. Подозревали, что деревня имела связь с партизанами.

За нами дом как раз сожгли, около дороги он стоял. Дом двоюродного брата папиного.

И дом бабушки Нади в Ливицах сожгли, возле дороги они жили. Остался сарай и баня.

За время войны они с братом дом перевезли из Идрицы и построили. А назад пошёл фронт, всё сожгли: и дом этот построенный, и баньку, и сарай. Остался во всей деревне один дом. И в этом доме помещались 3 или 4 семьи, хозяйки дома не было, она куда-то уехала. И вот они по разным уголкам жили. А посреди стоял большой стол, где они все обедали. А еду готовили в русской печке. В одной семье было пятеро детей, с ними жили ещё дедушка с бабушкой.

Жить в Князеве нам с Марфой Максимовной было страшно, мужчин в семье не было, и мы перебрались в сестре матери в деревню Островно. Это около 4-5 км от нашей деревни. Но и там страху натерпелись. Помню однажды меня послали лука порвать. А там озеро большое - Островенское. Я бегу через ручей, надо было на огород через него проходить, и вижу: окуни выпрыгивают прямо из воды. Я их ловить, а тут летит наш самолет. Из Идрицы по нему пушки немецкие начали стрелять. И из самолета начали строчить. От деревьев на берегу только ветки летели от пуль. Самолет

сбили, так он и упал, уткнулся в берег озера. Страшно было, не помню, как и домой прибежала: и без лука, и без окуня, и сама чуть живая.

Недавно читала, что поисковики подняли часть этого самолёта.

А когда отступали немцы, то они каким-то приспособлением вырезали шпалы и выщипывали рельсы, чтобы их быстро не догнали. Потом сразу шли наши части, которые всё восстанавливали, но это было не быстро, потому что весь путь был изуродован.

Освободили нас тоже 12 июля, ровно 3 года были мы в оккупации. Мы вернулись в родную деревню Князево.

В нашем доме во время нашего отсутствия жили немцы. В огороде ими был построен бункер, настоящий рубленый дом под землей, с печкой. К бункеру вела вымощенная дорожка. И ещё один бункер, попроще, был на огороде. Уже после освобождения деревни, я там все осматривала, и оказалось, что они были заминированы. И я чудом не взорвалась.

Начали всё восстанавливать. Носили на себе за плечами семена, чтобы было что сеять. У нас ночевали по 10 человек, и на печке спали, и на полу. Женщины копали лопатой землю по 4-5 соток в день. Время было голодное, есть было нечего. Семья маминого брата кроме щавели без соли ничего не ела и ходили они со стеклянными животами. Весной мы искали картошку на полях. Хвощ всходил рано весной, его собирали, сушили, мололи и ели. Вот так жили люди.

Про окончание войны я узнала находясь в лихорадочном состоянии. В это время я болела малярией, температура была больше 40 градусов. Заболела в школе и первый приступ в школе случился. Было очень тяжёлое состояние. Меня трясло и хотя укрыта была всем, что только было в доме. Таблеток не было, лечили настоями из паутины и сирени.

В 1946 году вернулся с войны отец. Его брат, дядя Петя, был весь израненный, но остался жив. Домой он не вернулся, потому что нашёл подругу, с ней и остался. И тетя Настя с тремя детьми уехала потом в Молдавию.

Отец стал работать в колхозе на общих работах.

А Марфа Максимовна была зав. животноводством, начали вскоре коров голландских разводить. Она много работала и мне приходилось ей помогать: и телятам молоть, (а жернова тяжелые, не повернуть), и телят поить в поле, хотя и тяжело было. А Марфу Максимовну в 50-е годы наградили Орденом Ленина.

После войны родились мои брат и сестра.

В году 46-м или 47-м, после смерти дедушки Кузьмы, бабушку Надю мой отец забрал в свою семью.

В школу в Прудиче, в 3-4 класс, я ходила за 3 километра, тетрадей не было, в окопах собирали желтую плотную бумагу, как почтовую, из которой шили тетрадки. Из крушины делали чернила. Света не было, учились при свечах.

После войны училась во 2-ю смену. В 1-й учились начальные классы. 5-7 класс я закончила в Идрице, до которой было 7 км.

Долго жили без света, керосина не было, покупали бензин, солили его как-то, но он чадил и горел неравномерно. И только когда я уже училась в 7 классе, мать купила керосиновую лампу.

После школы я поступила в Себежский сельскохозяйственный техникум, через 4 года получила профессию агронома-полевода и по направлению уехала в Плескошь.

Там вышла замуж. Работала в Плескоши в семенной инспекции, в МТС. Потом меня перевели в Торопец, немного поработала в агрохимлаборатории, а затем стала заведующей льносемянной станции.

В зоне Торопецкой льносемянной станции кроме нашего, были ещё Андреапольский и Западнодвинский районы. Каждый гектар всех хозяйств в этих районах мною был пройден.

После льносемянной, с 1970 года по март 1991 работала начальником Госсемянной инспекции. Стаж работы 37 лет.

В 1965 году родилась дочь Светлана. Сейчас она живет в Беларуси, а внучка - в Торопце. У меня трое правнуков.

Беляев Анатолий Николаевич

Я родился в 1930 году в деревне Масальское Красносельского сельсовета. Когда началась война, мне было 11 лет. Помню, что отца взяли на войну уже 8 июля прямо с сенокосного поля. Теперь мужскую работу нужно было выполнять мне, потому что в семье остались мать и две сестры. Лучших лошадей из колхоза увели на фронт, поэтому все работы выполняли на быках. Даже мне, ещё ребёнку, пришлось возить лён в Торопец на паре быков.

Каких-то военных действий в нашей деревне не было. Однажды несколько немецких всадников проехали по деревне и вели русских военнопленных. Население они не трогали.

Помню такой эпизод: когда я с парнями и девушками ремонтировал участок дороги Торопец – Холм в районе деревни Зыково, то вдруг налетел немецкий самолёт и начал бомбить. Мы очень испугались, разбежались в разные стороны, к счастью, никто не пострадал.

В основном, годы войны запомнились тем, что мы очень много работали наравне со взрослыми. В 1946 году меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

Беляева Нина Ефимовна

Я родилась в 1933 году в деревне Билово. Когда началась война, мне было 8 лет, поэтому я плохо разбиралась в происходящих событиях.

Помню, что через нашу деревню шло много русских солдат на Холм, там были сильные бои.

В какой-то момент детей из Билова и ближайших деревень эвакуировали во Врево. Я очень плакала и просилась к матери. Потом пришли туда взрослые и забрали своих детей.

Очень запомнился такой эпизод, когда в нашей деревне находился немецкий штаб. Под окном нашего дома сидел какой-то большой немецкий начальник и всё что-то писал. Он говорил на русском и немецком языках. Адъютант приносил ему обед, от которого очень вкусно пахло. Он обедал прямо на улице. И каждый раз ставил на наше окно кружку с какао и шоколадкой для меня. Я никогда сама не брала, но когда приходила мать, он ей что-то объяснял, и она заставляла меня это съесть.

Однажды мать пожаловалась ему, что ей очень трудно сохранить корову для ребёнка, всё время её хотят отобрать. Тогда этот немец написал ей какую-то справку, которая спасла корову на протяжении всей войны.

Помню, как после войны в деревню стали возвращаться мужчины.

Бодунова Нина Тимофеевна

Я родилась 1 апреля 1940 года в деревне Симакино Усвяцкого района Псковской области. Мой отец - Пушкин Тимофей Никандрович, а мать звали Евдокия Федотовна.

В семье кроме меня была ещё моя старшая сестра Надя, 1936 года рождения, в 1942 году родился брат Коля, но он умер в войну.

С началом войны отец ушел на фронт, мать работала в колхозе. Помню, мать рассказывала: пришли немцы в дом, хватить меня маленькую на руки (а я хорошенькая была, полненькая): ой, какая, показывают на портрет сестры матери, похожа. А мамка в крик, боится, что унесут. Потом немцы дали коробку конфет, но мать выбросила, побоялась, вдруг отравлены.

А вообще мать говорила, что немцы были разные: эти были «добрые». Ещё мать рассказывала, что когда папка был на войне, один раз он приходил домой (вроде бы его часть шла мимо деревни), а тут и немцы пришли, чуть его не убили, заставили рыть себе могилу. Мать в ноги немцам кидалась, целовала ноги и руки, просила отпустить, потом детей

на руки взяла, подбежала, вот, мол, трое детей у нас, не убивайте. А они не верят, что это наши дети, чужих, мол, принесла. А я маленькая к папке на шею повисла, немцы только тогда поверили и его отпустили.

Отец пришел с войны весь израненный, он был разведчиком, подорвался на mine. Пришел в 1943 или в 1944 году (точно не знаю). Помню, мать говорит: «Ой, детки, смотрите, папка идет». Мы в окно: идёт на двух костылях. Это отчётливо помню.

Отец был ранен в правую ногу, мать потом его долго возила на быке на перевязки в больницу в деревню Адамово.

Вначале он делать ничего не мог. Пока лечился, дома клеил галоши и продавал, все бабы в очередь за ними стояли. Папка и нам клеил, и мы потом в школу ходили в них. Голые и босые не были, папка и на охоту, и на рыбалку ходил. На машинке шил, и шубы нам сшил в школу ходить. Потом, когда оклемался, работал в колхозе на молотилке. Папка молотит и я, как хвост, с ним.

Работать начала рано. Старшие навоз возили на быках, а меня не брали, и я плакала, так хотела тоже работать. Мать просила бригадира: «Дай ты ей спокойного быка». Потом дали, один раз бык дернулся, и я упала на землю, телега по мне проехала, но ничего, обошлось.

Работала с мамкой в поле, она лен жала, а я маленькая снопы обносила.

В 1947 году я пошла в школу. Окончила только 7 классов, больше учиться не стала, работать пошла.

В 1957 году семья переехала в деревню Деревягино Торопецкого района, и я в 17 лет сразу пошла работать на ферму. Работала и телятницей, и свиаркой, и доила коров. Через 2 года, в 1959 году, вышла замуж за Бодунова Валентина Николаевича. Он жил по соседству через дорогу. В 1960-м у нас родился сын Саша, в 1969-м – Витя.

Мы были молодые, работали и праздники отмечали. Ходили на гулянки в деревню Казаково в 3 км от Деревягино. Молодёжи было много. Отмечали все праздники, особенно «Тёмную пятницу». Муж был хорошим гармонистом, по характеру спокойным. Если на гулянках были драки, то он не дрался, а только всех разнимал.

Прожили с мужем в Деревягино 16 лет, а когда нам обоим было по 35 лет, мы переехали в деревню Пятницкое. Там я тоже пошла работать на ферму. Работала дояркой, учётчиком. В детском саду – поваром, нянкой, в школе – уборщицей.

В браке с мужем мы прожили 50 лет. Имею 5 внуков и 5 правнуков.

Виноградова Валентина Степановна

Я родилась на хуторе, недалеко от деревни Всполье, возле железной дороги, в 1931 году 3 марта. Моя мама, Цоя Эмилия Абрамовна, до замужества проживала в деревне Озерец, а отец, Тимофеев Степан Тимофеевич, родился в какой-то деревне в Пожинской стороне. Мой папа всю жизнь работал на железной дороге, с 16 лет, сначала монтером пути, потом обходчиком.

Мама моя умерла в 1939 году. В 1940 году папа переехал на 24-й км железной дороги в казарму.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 10 лет. Мы жили в казарме на железной дороге, недалеко от деревни Бедёнки. Нам сказали, что скоро придут немцы, собирайтесь в эвакуацию, и вот мы сидели на чемоданах, на мешках, но конечно за нами никто не приехал.

Дорога до Бедёнок была метров триста, и вот мы видим: по дороге мотоциклы едут, папа и говорит: «Ну вот, а говорят, что у нас нет техники, вон сколько мотоциклов». Потом мы присмотрелись и поняли, что это немцы уже приехали. И так мы остались на оккупированной территории.

Моя бабушка жила в Торопце и когда я побежала к ней, то хорошо помню, что на площади стояла виселица – висело три человека и на груди таблички – «партизан».

На этой площади до войны стояла большая церковь и перед самой войной ее разрушили. Среди тех, кто участвовал в разрушении церкви, был молодой красивый парень – Саша Островский, он работал до войны директором кинотеатра. Он поранил руку, и рана очень долго не заживала. Моя бабушка говорила ему: «Это тебя Бог наказывает, за то, что ты ломаешь Храм Христов». Вот это я помню хорошо. Затем его на войну забрали.

Помню, что во время войны на Соловьевой улице, где мы жили с бабушкой, были соседи, культурные люди, агрономы Беляевы. К ним приехала дочка из-под Москвы – Зинаида Семеновна, с двумя дочками. Одну из них звали Ира, ей было 14 лет, такая красивая, волосы кудрявые, косы такие красивые. Так вот, Зинаида Семеновна очень боялась жить на этой улице, ведь она недалеко от железной дороги и ее часто бомбили с самолетов немцы. Они переехали на улицу Солдатская слобода, сейчас Максима Горького.

Но дочь Зинаиды Семеновны Ира все равно погибла. Она вышла на крыльцо дома посмотреть на самолет, бомба разорвалась и потом говорили, что ей снесло череп. Столько было горя... Потом они опять уехали куда-то жить в Подмосковье.

Еще хочу сказать, что когда Торопец был оккупирован, то немцы в железнодорожных будках жили – они охраняли железную дорогу, но у нас они не зверствовали, но все равно мы их очень боялись.

Я каждый день ходила в Бедёнки, там нас подкармливала тетя Варя, жена нашего дяди Дёмы, у них-то и у самих есть было нечего, но все равно они что сами едят, то и нам дадут.

В Бедёнках как-то под вечер смотрим: женщины все побежали, кувшины несут с молоком, смотрим, это наши разведчики пришли. Все мы так обрадовались! Я побежала сразу в казарму, своим говорю: «Наши пришли», ну а их пришло-то человек шесть, наверное, остальные где-то отстали...

А когда мы вышли на линию (железную дорогу), то увидели, что идут немцы сплошной стеной. Наши мужики собрались, конечно, уходить в деревню, ну а я уцепилась за папу, меня не пускают, эти женщины держат, говорят: «Мало ли папу заберут в армию, а ты что будешь делать...». А мне было без разницы.

Ну, папа, конечно, взял меня с собой. Пришли мы в Бедёнки к нашим воинам, рассказали, что немцы по железной дороге идут. А командир сказал: «Знаете, нас немного, и если они пойдут по прямой линии, что мы с ними сделаем?».

А вот если они свернут на дорогу, ну а какой немец с линии на дорогу в снег полезет... Вот так они и шли сплошной стеной всю ночь, всю ночь шли. Заходили греться в казарму, женщины потом рассказывали, что они плакали, фотографии семьи показывали. Одеты они были плохо: шинелишки тоненькие и ботиночки, так они были закутаны, во что только можно. У них были одеяла такие суконные, толстые, так они этими одеялами и ноги обматывали, и на голову их одевали. А потом мы ходили по железной дороге и собирали брошенные вещи.

Переходя через мост, их лошади, а у них они были тяжелые, грузовые, ломали ноги, и немцы в них стреляли, чтобы они не мучились. А мы эту конину подбирали и ели. И мы тоже притащили такую убитую лошадь к себе в сарай, и я сама бегала в сарай и пилюкала ножом эту конину и ела, мясо было такое светлое.

Хотя Торопец был освобождён от немцев, но недалеко проходила линия фронта и город иногда бомбили.

В сентябре мы пошли в школу, которая находилась на пересечении улиц Октябрьской и Советской, там и сейчас этот дом стоит в хорошем состоянии. Я училась в 3 классе. Был урок географии, как сейчас помню, открыта была первая страничка в учебнике и только помню, что учительница отпрыгнула от подоконника, (она стояла прижавшись к нему спиной). Больше ничего не помню... Очнулась, по мне все бегут, я лежу под столом, руки в крови... В общем, бомба упала у нас в огороде школы, нас никого не убило, только поранило стеклами.

После окончания 4 класса, перешла в 1-ю школу за мост, там я закончила семь классов. Дальше мне в школе не удалось поучиться, потому что моя тетя решила отправить меня обучаться в фельдшерско-акушерскую школу – там выдавали по 500 г хлеба, а в школе ученику – 300 г. Вот можно сказать, что 200 г хлеба решили мою судьбу. Так я попала в медицину, а ведь очень любила математику.

Фельдшерско-акушерскую школу я закончила с отличием, имела право два года поступать в медицинский институт без вступительных экзаменов. Вначале я работала фельдшером в Мартюхах.

Закончила вечернюю школу в Торопце, и так как не хотела связывать свою судьбу с медициной, уехала поступать в Ленинград в институт инженеров водного транспорта. Но поступила туда с тройкой, а это означало, что студенту не давали стипендию, а кто меня будет поддерживать? Вот опять вернулась в Торопец, устроилась работать медсестрой в Михайловский дом-интернат для инвалидов и пенсионеров.

После второй неудачной попытки поступить в институт инженеров водного транспорта, решила поступать в медицинский и поступила, видно медицина – моя судьба!

После окончания Ленинградского медицинского института я вернулась в Торопец. Вышла замуж за Виноградова Александра. Устроилась работать в Торопецкую больницу эпидемиологом, затем меня уговорили работать в хирургическом отделении – хирургом, так как у хирурга Зои Александровны Бронзовой была очень большая нагрузка. Получалось у меня делать операции, но мужа пригласили работать тренером по футболу в город Силламяэ (Эстония), красивый город, находится на берегу Финского залива.

Но через какое-то время мы вернулись в Торопец, и я уже стала работать в больнице терапевтом. А в 1972 году переехала жить в Великие Луки. До пенсии проработала врачом-терапевтом в железнодорожной поликлинике. Мой трудовой стаж составляет 47 лет.

Егорова Ираида Фёдоровна

Я, Егорова (Иванова) И.Ф., в 1937 году в 8 лет пошла в Плоскошскую школу в 1-й класс. До меня в этой школе учились мои сёстры и братья. У нас была первая учительница очень добрая, ласковая, внимательная. Учеников было много, и она знала все наши горести и радости. Это Фрида Терентьевна Швилова. Муж её был председателем Исполкома, была дочь Эля и её мама. Учились мы очень старательно и было много в начальных классах отличников. В связи с оккупацией нашего района немцами в 1941 году, школа не работала, в ней был открыт госпиталь для наших раненых солдат.

22 июня ясно помню, как с мамой ходили в магазин в Плоскошь (жили в д. Васьково, в 5 км), купили продуктов. Погода была прекрасная, солнце тепло грело. Пришли домой, а там уже все плачут, всем мужчинам повестки пришли на фронт. Слышали, что немцы убивают неповинных людей.

И вот они к нам на мотоциклах приехали. Всего около 15 человек, а мы все приготовились к смерти, думали, что они будут стрелять или вешать, но они попросили молока и яиц. Женщины оставили продукты для своих детей. А старушки отдали. Сначала просили их самих пить молоко, в дом заходили и штыком в потолок кололи.

Немцы двигались на Холм, а вечером пришли разведчики Красной армии и попросили нас покинуть деревню, уехать подальше, потому что могут быть бои.

Неделю мы жили в лесу около речки, а потом вернулись домой. Всё было цело, коровы были с нами, а кур и поросят женщины ходили кормить.

Всегда боялись немецких самолётов, у них особенный зловещий гул, когда они бомбили мост. Потом у нас стоял наш отряд и нас всех из своих домов расселили в другие, подальше от их части.

Во время войны был девиз: «Всё для фронта, всё для победы!»

Осенью 1942 года я пошла в 5-й класс, но школа не работала, и мы занимались в приспособленном здании. Парт не было, сидели за столами по 5 детей, книг не было, тетрадей тоже, не было даже чистой бумаги, писали на печатных листах между букв. Чернила изготавливали сами из марганцовки или свёклы.

Одевать и обувать было нечего и всегда хотелось кушать. Хлеб такой был, что в руках не удержат, и картошка не уродилась.

Егорова Мария Николаевна

Девичья моя фамилия Соколова. Жила я в деревне Васильково Краснополецкого сельсовета.

Отец мой был председателем колхоза.

Когда началась Великая Отечественная война, прислали повестки. Отец собрал всех колхозников. Ему и другим мужчинам вручили повестки на мобилизацию. Избрали новым председателем пожилого мужчину, и отца мы проводили в Плоскошь, все плакали, когда объявили о начале войны.

Вскоре поехали к нам немцы. Один раз они приехали в деревню, зашли к нам в дом, а у нас стоял мешок с сухарями и маленький мешочек

с сахаром (большими кусками). Немцы были с автоматами, наставили их на нас, а у меня на руках был маленький восьмимесячный брат. Да ещё с нами были дети моей сестры. Мы испугались, что нас застрелят, заплакали. Сухари и сахар немцы взяли с собой и ушли на улицу, нас не тронули. Приехали немцы на машине и мотоциклах. На горе у крайнего дома поставили пулемёт. Потом ночью пришла наша разведка и немцев прогнали.

Потом ещё не раз приходили немцы и даже ночевали в нашем доме. Мы их боялись, они казались нам страшными, да ещё и с автоматами. У них были тяжёлые сапоги с железками на носках. У наших-то солдат ноги были обуты в ботинки с обмотками.

В 1942 году я окончила 4 класс в Захоломье, начались занятия с февраля месяца, а в 1943 году пошла в 5-й класс.

У нас в деревне тогда был штаб армии. Но по прямой дороге в Плоскошь не пускали, мы обходили на Зыково. Когда фронт отодвинулся дальше, мы стали работать в колхозе вместе с родителями. С мамой копали землю лопатой, так как лошадей в колхозе было мало, всех забрали на фронт. Работали на сенокосе, сажали картошку в ручную.

Отец погиб 12 января 1943 года под городом Ленинградом.

Зайцева Г.

... Много воды утекло с того дня, когда началось вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков на нашу священную землю, но в памяти никогда не изгладятся события тех дней.

Война застала меня в городе Пскове. Я работала санитаркой военного госпиталя. В начале августа 1941 года в город ворвались фашисты, и я вместе с другими военнообязанными женщинами попала в плен. Начались дни кошмаров. Как жуткий сон вспоминаю, как нашу колонну военнопленных женщин гнали 14 суток без пищи и воды в город Бромберг, находящийся на территории бывшей Восточной Пруссии. В колонне находились и матери с грудными детьми. От истощения и жажды многие падали и их тут же добивали прикладами.

Шли мы берегом моря. Многие матери, не выдержав мучений и плача детей, бросались в воду и погибали.

Наконец, измученные и обессиленные, мы прибыли в лагерь. Всех нас загнали в тесные и грязные конюшни. Начался изнурительный труд с раннего утра и до позднего вечера.

В феврале ударили морозы, и в нетопленных помещениях от голода и холода люди умирали сотнями.

Однажды, совершенно обессилев, я не могла выйти на работу. В барак ворвались охранники:

— Встать, руссиш швайн! Шнель, шнель, работать!

Я не смогла подняться. Тогда эти звери избили меня и бросили в подвал. Каким-то чудом я осталась жива. Выйдя из карцера, стала думать о побеге. Присматриваясь к пленным, выбрала себе в попутчицы одну женщину, белоруску (фамилию и имя ее, к сожалению, забыла). Готовились к побегу тщательно. И вот, как-то темной ночью, сделав подкоп под стеной барака, нам удалось вырваться из лагеря. У города Килава нас приютила одна полячка. Словно родная мать ухаживала она за нами, подвергая себя и детей смертельной опасности, прятала от немцев.

С востока все явственней слышался гул артиллерийской канонады. Ждать больше было нельзя. И вот мы с подругой в полночь перешли линию фронта.

Когда очутились у своих, то нашей радости не было предела. Мы сказали старшему командиру, что хотим помогать Советской Армии. Нашу просьбу удовлетворили. Мы стали разведчицами. Несколько раз ходили в немецкий тыл, узнавали места дислокации их частей, складов и аэродромов. Используя наши сведения, Советская Армия громила врага с земли и с воздуха.

Однажды, при возвращении из разведки, нас обнаружили фашисты. Завязалась перестрелка. Я была ранена. Поползла к нашему переднему краю. И тут, рядом с разорвавшимся фашистским снарядом, меня сильно контузило. Что было потом — не помню. Очнулась в нашем госпитале...

В августе 1945 года я выздоровела и приехала в Торопец. Работала в Доме инвалидов, а потом телятницей в колхозе имени Пушкина. В прошлом году ушла на пенсию.

Зайцева Тамара Алексеевна

Родилась я в городе Ленинграде 17 февраля 1936 года. Мою мать звали Марией, а отца Алексеем. Когда мне исполнилось 2 года, мама отвезла меня в бабушке Евдокии в Плесошь. Вскоре мама умерла, и я осталась на попечении бабушки. Отец хотел забрать меня в Ленинград, но бабушка меня не отдала, сказала ему, что ты мол, снова женишься и дочка будет тебе обузой. Они даже судились, но меня оставили у бабушки, а отец до войны платил на меня алименты.

Вскоре бабушка заболела и пригласила к нам жить свою двоюродную сестру из деревни. Весной 1941 года бабушка Дуня умерла, и я осталась жить с её сестрой Шурой. А летом началась война. Жители Плесоши стали готовиться к эвакуации: кто с вечера уже уехал, собрав кое-какие вещи, кто наутро.

Мы решили, что поедем, как только начнёт светать. Бабушка меня уже с вечера одела, я так и спала, в одежде.

Уезжали мы вместе с женами двух моих дядей, у которых было по двое детей. Вместе с нами ехала и родная сестра одной из моих теток, тоже с двумя детьми. Двинулись в сторону Краснополяца. Мы вели с собой козу. Не доходя до леса, услышали гул. Оказалось, что это летели самолеты. Их было так много, что небо казалось черным, хотя на улице было светло. Отправились дальше. Остановились в лесу, первое время жили в построенных шалашах, потом нашли какой-то сарай с сеном, там все и устроились: семеро детей и 4 взрослых.

В один из дней тетя решила сходить в Плесошь, посмотреть, что там с нашими домами и вещами, ведь на огороде в картофельной яме был прикопан сундук с нашими пожитками.

Оказалось, что в Плесоши уже немцы. И в нашем доме, а он был крайним по направлению на Тяполово, тоже немцы. Кур они уже всех прирезали, картошку выкопали. Но, правда, тётке разрешили взять соль и немного сухарей. Тётя ещё не успела выйти из посёлка, как раздался грохот: показались 4 наших танка и начали стрелять. Загорелись сразу 4 дома, и наш тоже. Сгорели и сарай, и баня, и гумно.

Дом моего дяди остался цел. В него вернулась его семья и семья его другого брата.

А нам с бабушкой идти было некуда. Пошли мы искать место, где можно было бы пожить. В одной деревне нас никто не пустил, а в другой, я запомнила её название, Липовка, нас приютили старик со старухой.

Еды никакой не было. Сходили в Плесошь, кое-что выкопали. Есть хотелось постоянно. Помню, я лежу на печке, и как только хозяйка выйдет во двор, я соскакивала и в ладошку набирала себе творогу немного. Мою бабушку вскоре парализовало.

Конечно, мы были обузой для хозяев, и они передали в Плесошь моим родственникам, чтобы нас забрали. В один из дней на лошади приехала жена моего дяди (она устроилась санитаркой в больницу) и перевезла нас в Плесошь. Бабушка умерла, а я некоторое время жила в семье дяди. Помню, как я с двоюродными братьями сидела на печке, мы грызли сушёный жмых. А тётя пекла хлеб из лебеды.

Дети для тети были обузой. Она была их мачехой. И она отдала их в детский дом. Такая же участь ждала и меня, но оказалось, что в деревне Дроздово жила женщина, которая хотела взять на воспитание какого-нибудь ребёнка, так как мужа её убили на войне, а своих детей у нее не было. Вот так я зимой 1942 года оказалась в новой семье у тети Мони. В первый класс я пошла в Бончаровскую школу.

Помню, как в мае 1945 года нам в школе сказали, чтобы мы на следующий день пришли в школу с лопатами, чтобы вскопать огород. И вот мы,

дроздовские ребята, подходим к школе, а нам навстречу бегут ребята из других деревень и кричат: «Ура, Победа, копать не будем!» И кто плачет, кто смеется.

В Дроздове с тётей Моней мы жили до 1945 года, а потом она выправила документы, и мы переехали в Торопец. Там жили её родители.

Сначала мы жили на ул. Калинина, потом купили дом на перекрестке улиц Ерёмченко и Суворова. Дом был на две семьи, так хотела Монина мать, чтобы 3 части дома занимал сын с семьёй, и одну часть мы.

Время было голодное. Хлеб, 250 граммов, получали по карточкам. Очередь за хлебом занимали ночью, но иногда получалось так, что очередь отстоишь, а хлеб закончится. Приходилось ждать следующего привоза.

В Торопце я сначала училась в школе, которая находилась на ул. Октябрьской. Здесь я закончила 4 класса. Сейчас напротив этого здания Универмаг.

Потом училась в 1-й школе: в здании, которое было на берегу. Тётя Моня меня не удочерила, чтобы не лишиться пособия, которое мне выдавало РОНО, как сироте. Помню, в 3-м или 4-м классе мне перед школой выдали тёмное сатиновое платье и галоши. Во время урока я галоши сняла и оставила под партой. А собралась идти домой, а галош нигде нет. Поискали, да не нашли. Тогда учительница Екатерина Фёдоровна послала одного из своих сыновей домой, чтобы принесли мне галоши. А когда я на следующий день пришла в школу, кто-то из одноклассников увидел, что мои галоши на ногах у одного мальчика. Был скандал, мальчишку вызывали к директору школы, Антонине Георгиевне. Галоши мне вернули.

В этом здании я проучилась до 7 класса. В школу ходила во 2-ю смену. Учились при свете коптилочки, света не было. Тетради, чтобы сэкономить место, расчерчивали пополам и старались писать мелким почерком. На большой перемене в решете нам выносили по маленькому кусочку хлеба, поэтому перемену мы ждали с большим нетерпением.

После окончания 10 класса я поступила в училище молочной промышленности в Торжке. По распределению получила место райлаборанта в посёлке Ильино, тогда это был районный центр Великолукской области. Было много молодёжи, мы ходили на танцы в Дом культуры. Ведь мы были молодые.

В Ильино я познакомилась со своим будущим мужем Константином. Вышла замуж.

В 1955 году мы переехали в Торопец. Через год родился сын Сергей, а в 1961-м - Александр.

Я устроилась на работу на Торопецкий маслосырзавод. Сначала была технологом-экспертом, затем инженером-технологом, а на пенсию

выходила уже главным инженером. Завод был большой, выпускал много продукции, которая славилась за пределами области. Были мы и победителями соцсоревнований, занимали 1-е места по области по заготовкам молока, получали переходящее Красное знамя.

Кстати, на сырзаводе я встретила с бывшим одноклассником, который «увёл» мои галоши. Он работал кочегаром. И когда мы с ним встречались, он иногда спрашивал: «А помнишь, как я твои галоши украл?».

Сначала мы жили вместе с тётей Моней. Она к этому времени вышла замуж. Муж её был неплохим человеком, тоже сирота, как и я. Меня жалел: говорил: «Сиротки мы с тобой».

Потом мы жили уже отдельно. Муж умер рано, в 46 лет. Я одна поднимала сыновей. Было непросто, ведь надо было дать им образование. Они окончили среднюю школу № 1. Старший сын Сергей потом учился в Москве в строительном институте. Сейчас он живёт в Москве. Младший Александр учился на физико-техническом факультете в Томске. Защитил кандидатскую диссертацию. Сейчас живёт в Америке.

Когда они выучились и получили профессию, я могла подумать и о себе.

В моей жизни появился Пётр Матвеевич. Тетя Моня была уже старенькая, муж её к тому времени умер. Она приходила к нам мыться в баню. И однажды я почувствовала, что после бани она не хочет уходить. И тогда мы оставили её у себя.

С Петром Матвеевичем я прожила 17 лет.

Сейчас живу одна, но у меня есть компаньон – кот Рыжик, когда-то бывший бездомным. Я его несколько раз покормила, он и пришёл ко мне, неухоженный, с больным глазом. Кота вымыла, глаз ему вылечила. Так и коротаем время вдвоём. Но и сыновья меня не забывают. Настоящим сюрпризом для меня стало появление на 85-летний юбилей младшего сына Саши. Он умудрился приехать из Америки, несмотря на ковидные ограничения. Из Москвы часто приезжает старший сын – Сергей, а по телефону общаюсь с сыновьями каждый день.

Скучать мне некогда: занимаюсь садом и огородом. Сажаю и картошку, и разные овощи, но больше всего времени уделяю цветам, потому что очень их люблю. Так что на моём участке с ранней весны до поздней осени благоухают целые плантации разных растений.

Колбанёва Нина Фёдоровна

В войну то я совсем ещё девчужечкой была.

В 1941 немцев все ждали – отправляли рыть окопы.

Дождались, как ни готовились!!! Услыхав выстрелы, все мы подобрали свой скарб, скот и в лес. Лес глухой, болотистый - не найдут. Уж как, не помню, это произошло, но вроде бы бомбить лес собрались, если мы не выйдем – пришлось возвращаться.

Коров то мы с собой забрали, а овцам мужики в лесу выгородку сделали, остались они в лесу. Пришли в деревню, коров сразу отобрали немцы. У нас одна радость – овцы в лесу. Каждый день кто-нибудь ходил «ухаживать» их. А раз пришли, овец нет. Уж как они догадались? Может, кто и свой выдал – не знаю.

У нас-то немцы сильно не лютовали, лишь один случай был: немецкий солдат изнасиловал молоденькую девушку. Мать её в Торопец ездила к немецкому коменданту. Опознание проводили, и, как ни странно, наказали насильника. А вот в соседней деревне Горбы был очень страшный случай. Девушка там молоденькая жила, больно красивая. Немцы за ней табунами ходили. Уж мать её и в тряпё одевала, и сажёй мазала – бесполезно. Когда женщины на поле картошку копали, прибежал мальчонка к ним, кричит: «Лиду Колбанёву убивают!». Побежали бабы, смотрят, по направлению на Торопец едет мотоцикл немецкий, а за ним на верёвке тащат её: избитая, вся одежда порвана. Разыскивали её, но так и не нашли. Лида на язык остра была. Бывало ей немцы скажут что, а она их так откостит... как сейчас говорят «уши вянут».

К зиме выбили их, чуть полегче стало.

Война есть война – холод, голод, разруха. А ведь пережили.

Коновалова Галина Александровна

Я родилась уже после войны, 6-го июля 1945 года в деревне Борок Пестряковского сельсовета. Мою мать звали Татьяна Ивановна, отца – Александр Евсеевич. О войне помню по рассказам матери.

С началом войны отец ушел на фронт. У меня была ещё старшая сестра, но она умерла во время войны в 6-ти месячном возрасте.

Мама была бригадиром, во время войны помогала партизанам, давала им мяса, молоко.

Мать рассказывала смешной случай. Пришел к нам в дом партизан, и тут увидели в окно: идут финны (мать говорила: финны, а не немцы). Спрятали нашего в подвал, финны не уходят, тот заснул в подвале и захрапел. Мамка надела сапоги, стала громко топтать, чтобы храп не слышен был, еле дождалась, когда уйдут.

Отец вернулся с войны весь израненный, он стал инвалидом 2-й группы и долго болел. Лежал в госпитале в городе Торопце. Было трудно, мать крутилась как могла, работала в колхозе, а за мною приглядывали бабушка и прабабушка.

Когда мне было 6 месяцев, мы переехали в Куньевский сельсовет, в деревню Попляхны.

С начальных классов, как пошла в школу в 1952 году, я полюбила книги. Училась сначала в Усвятской начальной школе Куньевского сельсовета. Как только научилась читать, записалась в школьную библиотеку. Первыми и любимыми книжками стали русские народные сказки. Во времена моего детства не было света, читала с коптилкой, а потом с керосиновой лампой. Мама ругалась: «Нужно спать ложиться, завтра в школу (ходили за 4 км), а ты все читаешь».

Потом пошла в Воронцовскую школу, опять стала первым читателем библиотеки. Потом была учеба в Плоскоши, а там я уже записалась в поселковую библиотеку, где фонд был больше и разнообразнее.

Окончила я только 9 классов, денег не было, жили мы трудно, поэтому пришлось идти работать, а 11 классов я окончила заочно.

В Плоскоши в Доме культуры киномехаником работала моя троюродная сестра и я пока училась в школе, ходила к ней на работу, мне нравилось смотреть, как она показывает кино. И даже когда у неё была свадьба, в этот день я вместо неё показывала.

После 9-го класса я пошла работать учеником моториста. Моталась по деревням с кинопередвижкой. Научилась, потом отправили работать в Куньевский сельский совет. Оттуда в Пестряково (давала декретный отпуск). Заочно училась при киносети. Потом меня отправили на учёбу в Калинин. Получила 2-ю категорию киномеханика. Вернулась в Пестряково. Ездила по деревням показывать кино, приходилось даже оставаться на ночь (ночевала в сараях у людей).

За свою работу награждена грамотами, каждый месяц получала премии. Есть грамота Министерства культуры Тверской области, за неё мне дали звание «Ветерана труда».

Киномехаником я отработала 34 года и ещё 4 года директором Пестряковского Дома культуры. Была постоянным читателем Пестряковской библиотеки. Когда перечитала там весь фонд, мне привозили книги из Торопецкой районной библиотеки. Выйдя на пенсию в 2000 году, ни дня не живу без чтения.

Оставшись единственной жительницей родной деревни Бучено, переехала в 2013 году жить в Пятницкое, и с тех пор являюсь постоянным читателем Пятницкой сельской библиотеки.

Косенкова Анна

Сохранилась районная газета «Октябрь» от 28 июня 1941 года. В заметке «Женщины заменяют мужчин» рассказывалось о том, как идет сенокос в колхозе «Красный Октябрь». С волнением читаю я о том, что молодые девушки Нюра Косенкова и Прасковья Михайлова взяли в руки косы и работают наравне со взрослыми.

Нюра Косенкова - это я. Тогда, в сорок первом, мне было 17 лет. Работала я телятницей, заготавливала корма, убирала хлеб и лен, копала землю лопатой. Все мужские работы в ту суровую пору легли на женские плечи. Когда фашисты стали приближаться к Торопцу, мне и моим подругам Рае Федотовой, Рае Волковой, Вале Сидоренковой и другим было дано задание эвакуировать колхозный скот.

Довелось мне быть и на оборонных работах. Очень трудно приходилось в войну нам, девушкам, женщинам, подросткам. Мужчины ушли в армию, колхозных лошадей забрали для нужд фронта. Многие работы приходилось выполнять вручную или на бычках. С наших рук не сходили кровавые мозоли, но зато воины действующей армии получали от нас хлеб и другие продукты питания. Мы и в тылу ковали победу.

После войны я была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» Такой же награды были удостоены Р. Волкова, Р. Федотова, М. Алексеева и другие колхозницы. Мы гордимся, что помогали, чем могли, нашим доблестным воинам сражаться с врагом, что мы внесли свой вклад в разгром фашизма.

Милохина Анна Никифоровна

Узнала я войну, когда мужа моего отправили на фронт. Осталась я одна с детьми. В 41-м фронт подходил к нам. Мы готовились. Большинство наших речанцев увозили в город – рыть окопы. Усталые, голодные возвращались поздно вечером домой.

Деревне нашей повезло, можно сказать, фашист здесь не лютовал очень.

Помню, как сейчас, случай такой при немцах. Слышим стук, речь немецкую. Вваливаются солдат человек шесть, мы и не приготовились (я обычно детей прятала), а тут они на печке. Зашли в дом солдаты, просмотрели все закутки и в сумку один полез. Вытащил четыре шоколадки. Шоколад большой на стол положил и пальцем на детей показывает. Так и ушли. Мои было кинулись к нему, да я отобрала – мало ли отравленный какой. Долго он у нас лежал.

Попробовала кусочек – ничего, а потом ещё, оказался съедобным!

Так то вот, такой мы подарочек от фрица получили. А в Крещение выбили их из села. Ох уж они и драпали. После них много добра по всей деревне оставалось.

Всю войну трудились, как могли. Муж в 46-м с фронта пришёл. Так и пережили это страшное время.

Овсянникова Мария Фёдоровна

Я хочу рассказать о своей, о нелегкой женской доле.

В 1940 году окончила медицинскую школу в Калинин, где осталась работать медсестрой в больнице. С началом войны, когда появились раненые, стали работать без выходных, по две смены.

В ночь с 13 на 14 ноября 1941 года фашисты заняли город. Всё кругом горело, бомбежки, взрывы! Вместо своего дома увидела одни развалины. Так, из больничной палаты, оказалась на улице без средств, без теплой одежды - стала «беженкой».

По промерзлой грязи Новобежецкого тракта шли и шли беженцы. Куда, сами не знали. Лишь бы выдвигаться, не мерзнуть. А над головами проносились немецкие самолеты, поливая толпу людей свинцом из пулеметов. На моих глазах падали люди, умоляли Бога помочь, спасти детей. Я тогда выжила, к счастью или несчастью, не знаю.

У Рамешек повстречались наши передовые части с катюшами, танками и пулемётами, что шли по направлению к городу Белый. Командир колонны приказал беженцам расчистить дорогу от снега перед проходом войск. Мороз в ту пору был крепок, как никогда. А у меня одни чулки да калоши. Хоть и были мы голодные и холодные, а приказ красного командира бросились выполнять с энтузиазмом! А как иначе, ведь у меня на груди был комсомольский билет, который обязывал комсомольцев ко многому. Я до сих пор ношу его как талисман своей военной юности.

Почти до Селижарова мы помогали продвижению наших войск, а не доходя 25 километров до линии фронта, нам приказали оставить колонну и возвращаться обратно. Но куда идти и чем кормиться в зимнем поле? Правда, смерть нас уже не пугала – столько мы её насмотрелись за первые месяцы войны. Со слезами умоляла я в штабе части оставить меня в войсках. Так оказалась я во фронтовом эвакогоспитале. Выполняла любую работу: и медсестрой, и санитаркой, и прачкой была. Бомбили нас немцы нещадно! В одной из таких бомбежек меня и ранили. После операции отправили долечиваться в тыл. Известие о том, что отец погиб на фронте, было, как гром среди ясного неба. Сколько слёз выплакала. Не долечившись, убежала в освобождённое Селижарово, где раньше

жила моя мать, узнать, жива ли? Дом у мамы разбомбили, поплакали еще раз над похоронкой отца, но жить-то надо. Стала помогать матери рыть землянку для жилья. Здесь же, в Селижарово, обратилась я к военкому, подполковнику Приходько, чтобы отправить меня снова на передовую, в свой эвакогоспиталь. Но тот отказал, говорил, надо срочно готовить оборонные укрепления на случай контрнаступления немцев. Поработаешь, мол, поможешь, тогда и на фронт отправлю.

Мобилизовали из города и ближних деревень комсомольцев, около 200 человек, выдали нам по лопате, одели в трофейные немецкие сапоги 42 размера, дали 400 граммов хлеба и отправили за два километра от Селижарово в деревушку Черная Грязь на окопы. В течение нескольких месяцев с утра до вечера кидали мерзлую землю. Ночевали на соломе в сохранившихся сараях, без мытья, без сменной одежды.

После окончания оборонительных работ я снова в военкомат - обещали же на фронт отправить! И вновь отказ! Теперь новая задача - восстанавливать разрушенный город Селижарово. Рабочих рук не хватает. После краткого инструктажа, вручили мне строительную «печать и штамп», для жилья отвели крохотную комнатенку, дали хлебную карточку на 500 граммов хлеба. И за работу! Работали с 8 утра и до 12 ночи, без выходных. И трудностей той работы описать я не берусь! Помогала нам дума о победе, что и мы приближаем ее своим участием в великом деле! На фронте побывать более так и не удалось...

В ноябре 1945 года наконец-то блеснуло у меня счастье - вышла замуж за майора В.Ф. Овсянникова, с которым познакомилась еще в эвакогоспитале. Долгая переписка, ожидание конца войны, и вот все позади... Но недолги были наши радости! Вскоре уехал муж на 3 года в лесотехнический институт получать гражданскую специальность, а я вновь осталась одна без работы, с грудным ребенком на руках. Время-то тогда было нелегкое, 50-е годы...

В 1970 году снова пришла беда: мужу ампутировали обе ноги выше колен. Мало видно наградила его война ранами, за что отмечен был многими орденами да медалями.

Более 17 лет мы с мужем прожили с этой бедой, не поддавались ей, а шли наперекор безжалостной судьбе. И помогала нам в этом наша любовь! Благодаря ей жили мы тогда и в согласии, и в уважении друг к другу, на добрую зависть окружающим. Встречались, правда, такие люди, что говорили, зачем, мол, живешь с инвалидом? Ты и молода, и красива, сдай его в дом инвалидов... Но разве ж я могла? Разве ж можно отнимать у дорогого человека последнюю надежду на любовь и на домашний уют? До конца пронесла я свой крест, уготованный тяжелой судьбой.

Павлов Геннадий Павлович

Родился 20.09.1928 в деревне Андрейцево Торопецкого района. Когда началась война, всех мужчин стали отправлять на фронт.

Мне тогда было 13 лет. Но мне, как и всем, тоже было нелегко. Я вместе с оставшимися стариками и женщинами выполнял самую тяжёлую работу. Работали в колхозе за трудодни. Жили голодно. Строили дорогу с Холма на Великие-Луки, чтобы могли проезжать наши солдаты.

В один из этих дней над нами стал кружить немецкий самолёт и начал обстреливать, но, к счастью, никто не пострадал. Ещё нас отправили на лошади везти обмундирование военным на фронт в Великие-Луки. В деревне Большие Изори строили аэродром, мы помогали строить.

После окончания войны многие в деревню с фронта не вернулись. Многие вернулись калеками.

Павлова Галина Васильевна

Родилась я 20 апреля 1939 года в деревне Волок Плесошского района.

Моя мать – Столбова Агриппина Конофеевна, а отец – Столбов Василий Филиппович.

В семье у нас было четверо детей, я была младшая. Мать рассказывала, что до войны отец был председателем колхоза, коммунистом, мать тоже работала в колхозе. До войны у нас была корова, 25 кур, свинья.

Отец в первые дни войны ушел на фронт, он был моряком. С войны он не вернулся, пропал без вести в 1943 году, под Ленинградом.

В деревню приехали немцы со стороны Холма. В нашем доме устроили штаб, нас выгнали. Помню, как они рвали нашу свинью на части и кричали: «Капут коммунистам!»

Сосед, враждебно настроенный к отцу, рассказал немцам, что это семья председателя колхоза и злорадствовал: «Завтра вас всех повесят!»

Бросили всё, и мать с нами, четырьмя детьми, успела убежать в лес. Так мы и скитались, пока не пришли наши.

После войны этого предателя арестовали и за поселком Плесошь расстреляли. Когда его увозили, всем грозил: «Все равно немецкая власть будет!». Мать вызывали как свидетельницу, чтобы она рассказала, как всё было.

С сестрой Марусей мы носили партизанам варёную картошку. Однажды встретили немцев, сказали им, что идём за орехами, потом нам партизаны нарвали орехов, и мы шли обратно.

Помню захваченного в плен немца. Парень лет семнадцати. Наши солдаты ели, а он смотрел голодными глазами. Мать дала ему кусок хлеба, но наш командир отобрал. «Он враг», - говорит.

Когда пришли наши, и мы вернулись домой, его почти не было, все разбито. После войны на этом же месте нам колхоз построил новый дом.

В 1947 году я пошла в школу в Волоке, окончила 10 классов, поступила в Торопецкое торговое училище. По окончании Торопецкого торгового училища отправили работать в Пестряково в магазин, там и осталась. Проработала 14 лет.

Народу в деревнях жило тогда много, на гулянки ходили, отмечали Покров, Кондратьев день (4 октября) и другие праздники. В 1960 году я повстречалась с будущим мужем, он жил в д. Бучино.

С ним мы построили дом в Бучино, а первое время жили у свекрови, а там ещё два сына жили.

В 1961-м у нас родился сын Саша, в 1966-м - дочь Ольга.

Муж работал шофёром в колхозе, денег было мало. Тогда я пошла работать на ферму. Выращивала бычков на откорм. Работа была трудная. На ферме отработала тоже 14 лет.

Потом предложили работу на почте почтальоном. На пенсию вышла в 1994-м году, но 4 года ещё работала на пенсии. Муж умер в 1999 году. Оставшись в д. Бучино вдвоём (с Коноваловой Галиной Александровной), в 2008 году переехала жить в Пятницкое к сыну и дочери.

Имею 4 внуков, 4 правнука.

Розанова Клавдия Васильевна

В этот день мы, как обычно, отправились на колхозные работы, время то август. Косили рожь на Курове (поле). Часов в 10 услышали стрельбу.

Бригадир велел прекратить работы и отправиться по домам. Немцы были на подходе. То, что фронт дойдёт и до нас, мы поняли давно. И давно готовились – за деревней (в сторону Лосачей) у речки копали землянки, сгруппировывали своё «богатство». Когда начался подход немцев, сопровождающийся обстрелом, большинство жителей на подводах, пешком стали уезжать в лес. А про землянки и не вспомнили даже!

Мы с отцом, матерью и сёстрами двинулись тоже. Немцы нагнали нас и в лесу (район Горбов, Грядцев), заставили всех вернуться на свои места.

Возвратившись, мы уже не увидели своего дома (он сгорел).

Как мы потом жалели! Да и не только мы. Вы и сейчас можете увидеть место, куда упал снаряд (большая выбоина) – это пруд за домом

Афанасьевых. А наш дом в 7-ми метрах стоял. Пришлось скитаться по добрым людям. Вначале остановились мы у Игнатьевых (Игнатьева Е.П. сейчас проживает в этом доме).

В первый день всё стреляли, и мы отсиживались в подполе. На следующий день пришли в этот дом немцы и сказали, чтобы дом освободили. Пришлось переехать на хутор Мокряково (в районе польской трассы). На хуторе всего-то пять домов и было. Несмотря на тесноту, нас приютили. Человек 25 в одном доме; делились друг с другом последним.

Дни шли, мы знали, что в городе Торопце хозяйничают немцы; на хуторе они появлялись редко; один был «постоянный» - утром приезжал за молоком. Работа в колхозе не прекратилась и при немцах, продолжали убирать урожай, работать на оставшейся ферме.

Уж очень большого надзора со стороны немцев не наблюдали, да и лютовать они так не лютовали. Землянки нашигодились. Человек 12 наших солдатиков осталось, прятались они в лесу, потом пристроил их кто-то в эти землянки; кормили, поили; долго они там не продержались, выдал их кто-то свой из лосачёвских. Были отправлены, кажется, в город.

В один из осенних месяцев мы услышали, что в церкви, что стояла на кладбище, появились пленные русские солдаты. Наварив картошки, хлеба собрав, мы пошли на кладбище. Церковь почти не охранялась.

Бедные,.. полураздетые, раненые, избитые, голодные. Мы стали кидать им продукты. Часовые не разрешали, но мы всё равно кидали; тех, кто подхватывал еду, очень били. Они и не рады, что мы им принесли. «Дом фрицев» был почти напротив, нас вскоре всех разогнали.

«Дом фрицев» – это сейчас дом Венцевых, что первый после сельского совета; называли мы его так, потому что немцев в деревне мало было, а какие есть, все в этом доме и проживали.

Так пережили осень, ползимы. А в январе уж и освободили нас.

Страшное время, пережили многое...

Савельева Анна Егоровна

Когда началась война, мне было всего 13 лет. В то время наша семья жила в деревне Бучино.

В 1942 году в деревню приехали немцы. Фашисты переночевали в Бучино и уехали на машинах. Транспорта у немцев было очень много: машины, мотоциклы.

А вот следующий приезд немцев в деревню всех напугал. Они зачитали приказ о том, что будут вешать и расстреливать всех, кто прячет у себя партизан. Но деревне Бучино помог сам бог, немцы никого искать не стали. А между тем в домах действительно прятались партизаны. Дело

в том, что партизанский лагерь находился в 5 км в лесу, и партизаны часто приходили в деревню за помощью: кто был раненый, а кто за едой. Чаще всего они заходили в наш дом, так как он стоял на краю деревни возле леса. Приходили по три, четыре человека, а бывало и по пять. Я запомнила фамилии нескольких партизан: Дандин, Машков, Мельников, Николаев, Черабкова. Вот, например, Мельников. Когда его привезли к нам раненым, у него был оторван палец, ранено плечо, а лицо было всё в крови. Медсестра из деревни Пестряково, что в трёх километрах, ежедневно ходила и делала ему перевязки. Лежал Мельников очень долго.

Вот однажды показались немцы. Ни минуты не теряя, я взяла раненого и повела за баню к лесу. А мой двоюродный брат взял все патроны, пистолет и побежал выбрасывать в колодец. Отведя Мельникова в лес и вернувшись домой, я застала испуганных братьев и сестёр. Пришла мама, и я увидела у неё за пазухой пистолет. Я схватила его и побежала прятать под сарай. Там я его хорошенько зарыла. Через полчаса приехали немцы искать партизан. Если бы они обнаружили хоть одного, то всех нас расстреляли бы. Никого не обнаружив, немцы взяли всё наше мясо, посоленное в бочке, и уехали ночевать на другой край деревни. Больше немцы к нам не приезжали.

Когда наши стали наступать, мы помогали им, чем могли: перевязывали раненых, кормили. Зимой каждое утро четверо детей и один взрослый шли за семь километров в деревню Изори, чтобы разгрести снег на аэродроме для наших самолётов. Работы было очень много, но мы все старались помочь фронту.

Селезнёв Иван Петрович

Когда началась война, мне было 13 лет. Это было тяжёлое и очень страшное время.

Когда в деревню пришли немцы, то они стали обирать людей. У нашей семьи они забрали корову - главную нашу кормилицу, а взамен они отдали свою старую, больную лошадь. Очень скоро корова от них сбежала и пришла назад, домой. Поначалу она была спрятана в лесу, боялись, что её отберут.

Когда мне исполнилось 14 лет, я был отправлен учиться на швейную фабрику. Условия для жизни там были тяжёлыми: плохо кормили и много работали.

Несколько раз я с товарищами сбегал оттуда, но нас возвращали. В один из таких побегов мы попали под бомбёжку, один из нас погиб. Когда возвращались домой, то нашли какую-то пищу, оставленную немцами, и мы наелись, но она была отравлена. Многие тогда погибли.

Потом я со всеми окопы рыл для наших солдат и тогда я нашёл немецкое ружьё. Немцы пришли и увели мою маму в лес. Из её рассказов: она шла впереди двух немцев, а они шли и о чём-то говорили. Тогда они остановились и сказали: «Иди, мать, к детям».

До того, как пришли немцы, она выкинула это ружьё в реку. И вот, когда они ей сказали «иди домой», она думала, что они её застрелят, но они этого не сделали.

С войны домой вернулся только отец, а братья не вернулись. Но сначала на отца пришла похоронка, а потом оказалось, что он остался жив, но был ранен.

Смирнов Константин Ильич

22 июня 1941 года я вместе с ребятами был на речке, когда в 12 часов по радио в деревне Красноселье министр иностранных дел Молотов объявил о начале Великой Отечественной войны. В этот же день начали призывать всех мужчин в армию. Отца тоже взяли.

В начале войны немцы двигались очень быстро. Уже в августе начали эвакуировать скот из колхозов. К концу месяца немцы двигались по направлению к посёлку Плоскошь. Был бой за деревню Волок, потом за Плоскошь. В конце августа немцы оккупировали наш район. Во время войны жизнь была очень тяжёлой и голодной.

28 октября женщины из деревни Валаево собрались в Торопец за солью. Всего их было шестеро. По пути в Торопец у деревни Якшино они встретили немецкий карательный отряд, их всех расстреляли, в том числе и мою мать Киру Николаевну. Она похоронена в деревне Красноселье.

В этом же году мой отец Илья Ильич пропал без вести. Его фамилия занесена в Книгу Памяти Торопецкого района.

Остались мы, четверо детей, без родителей. Старшей сестре Лиде было 16 лет, мне – 14 лет, младшей сестрёнке Лёле (Оля) – 10 лет и братишке Володе было всего 4 года. Жили мы с бабушкой, матерью отца. Ей было 76 лет. Приходилось очень тяжело.

В январе 1942 года приехали каратели и в Плоскошь, забрав с собой тех, кто был связан с ними.

21 января 1942 года наш район был освобождён. Немцы остановились в городе Холме на реке Ловать и оставались там до 1943 года, пока их оттуда не выбили.

Когда немцы стояли в Холме, мне приходилось возить на лошадях раненых в Серёжино и Тухомичи. Вот такие мои детские воспоминания. Хочется, чтобы больше война не повторилась.

Яковлев Анатолий Михайлович

Родился 22 июня 1933 года на хуторе Мохово, недалеко от Бельково. Отца звали Михаил Яковлевич, мать - Мария Николаевна. У меня был старший брат Василий, 1930 года рождения, и сестра Людмила, 1937 года рождения. С нами жила бабушка Шура, мать нашего отца. На хуторе у нас был срублен ещё один дом, так как мы собирались переезжать в деревню Бельково.

В июне 1939 года отца забрали на военные сборы в район Себежа. Через три месяца он трагически погиб: рубил в лесу деревья и перерубил электрический кабель. Отца убило током. Так что, в Бельково мы переезжали уже без него.

Сельсовет почему-то решил, что дом мы поставили не по плану. Колхоз быстро разобрал крышу дома, а сам дом перевезли в другое место, поставили его на три камня, и мы стали там жить. С хутора мы перевезли корову, ягнят, кур. У нас было 40 соток земли, на которой сажали все огороднее. Я по мере своих сил помогал по хозяйству.

Через Бельково должна была проходить дорога Киев – Ленинград. До войны даже был построен мост через реку Серёжу. Он был очень высокий, и чтобы сделать насыпь, нужно было много земли. Её брали с кладбища, которое разрезали пополам и с одной половины брали землю для моста. В этой земле попадались и кости, и целые черепа. Во время строительства этого моста, тяжёлой техникой был разрушен старый мост через реку Серёжу.

О том, что началась война, нам объявили работники сельсовета. Мужчин из деревни забрали на фронт. Женщин и девушек отправили на рытье окопов.

Немцы у нас в деревне постоянно не стояли. Но я помню, как однажды через деревню проехала группа немцев на мотоциклах. На каждом было по три человека, на коляске установлены пулемёты. Ехали они из Марьино в сторону Шапкина.

Однажды, когда я был на скотном дворе, на котором работала моя мама, верхом на лошадях подъехали немцы. Один из них достал карту, на которой были нанесены наши деревни, дороги и даже тропинки. Он сказал, что всё кругом заминировано партизанами, и кто-то должен провести их по тропинке, которая шла по берегу реки. Их повела баба Нюра Шелепнёва. Вернулась она в деревню с гостинцами: шоколадом и какими-то сухариками.

Слышали мы, что в деревне Козлово находятся партизаны. Однажды к нам ночью заявились какие-то люди, сказали, что им нужна одежда и обувь. Один сразу полез на печку, забрал новые бабкины валенки, и мамкины тоже.

Я спал с бабушкой, и мы укрывались тонким одеялом, а сверху набрасывали шубу. Так эту шубу они с нас сняли и тоже забрали. Пока двое хозяйничали в доме, третий пошёл в кладовку и вынес оттуда 3 куска мяса, которое мамка берегла к Рождеству. Хотели они забрать и часы-ходики, которые нам подарил брат отца, дядя Павел. Часы были очень хорошие. Мамка встала перед ними и сказала: «Ни за что не отдам, хоть стреляйте, это мужнины часы».

Одного из этих «партизан» из деревни Козлово мамка признала, спросила у него: «Это ты, Петька?». Он отмолчался. Когда они уходили, мы в окно увидели, что к этим троим присоединился ещё один, который ждал их на крыльце. Вскоре прошёл слух, что в деревне Залежье их убрали.

Вокруг деревни партизанами было всё заминировано, может поэтому немцы к нам часто не заглядывали, да и от большака Бельково было далеко.

Уже после освобождения от немцев наши ребята, кто постарше, нашли эти мины, как-то достали из них капсулы и смогли разминировать. Моя двоюродная сестра бороновала поле, зацепила бороной мину и выворотила её из земли. А вот Вера Воробьёва подорвалась на мине и её разорвало на куски.

Ещё во время войны, в сентябре 41-го года, я пошёл в первый класс, в начальную Бельковскую школу. Учила меня Антонина Николаевна Дружинина. Школа была двухэтажная. Первый год я учился на втором этаже. А 2 - 4 классы уже на первом. После окончания начальной школы меня отправляли учиться дальше, в Шапкинскую семилетнюю школу, но я учиться больше не пошёл.

Два года пас колхозных овец. Однажды от стада, в котором было 133 овцы, штук 25 отстало, а я не заметил. На отставших овец напали волки и погнали их по дороге на Горивицу. Каких-то по дороге загрызли, каких-то поранили. Вечером на скотный двор вернулось несколько таких пораненных животных.

Потом я работал в колхозе: пахал на быках, бороновал, сено косил.

В 1946 году умерла бабушка. Мама работала на скотном дворе, ухаживала за свиньями. Время было голодное, кормить скотину особо было нечем. Сначала кормили мякиной; когда она по весне заканчивалась, шли к деду Сеньке Суворову, выпрашивали у него тележку и ездили за мхом в лес.

В 1950 - 1951 году я работал в лесу на заготовке дров, которые пилили пилой двуручкой. Какое-то время поработал в Торопцах на вывозке леса на лошадях.

У старшего брата было ружьё – одностволка. Я иногда охотился с ней на куропадок, которых много было в наших лесах.

В 1952 году меня взяли в армию, в строительные войска. Первый месяц находился в Архангельске, где нас, в основном, учили маршировать. Потом отправили в город Молотовск, сейчас он называется Северодвинск. На острове Ягры немцы строили судоремонтный завод, но потом их отпустили, и мы достраивали этот завод. Строили к нему причал. Потом копали котлован под строительство генераторного цеха судостроительного завода. В карьере в Карпогорах добывали камень. Там был почти один гравий. Мы его просеивали, затем грузили на платформы и везли в Молотовск.

Летом работали в Устьянском районе, строили МТС. А зимой строили общежитие для трактористов. В деревне Шангалы построили Мошенскую МТС. Строить приходилось много. В армии я подружился с одним литовцем, с которым после работы мы ходили на заработки. Летний день на севере длинный, и мы отработав на строительстве МТС, поедим и отправляемся на работу. В одной школе срубили 2-й этаж под библиотеку, в другой полы перестелили, крыши красили. Литовец был хорошим печником, мы с ним круглую печку переложили на шведку, в другом месте сложили русскую печь. Кирпичи я класть уже умел, а глядя на работу своего товарища сам научился ремеслу печника.

Ещё в армии я научился играть на гармошке. И когда после окончания строительства Мошенской МТС я демобилизовался в 1954 году, то домой уже ехал с новенькой гармонью и купленным новым ружьём.

С гармонью каждую субботу ходил на танцы: и в Бельково, и в Степашки. Молодёжи тогда в деревне было много.

Женился я в 1958 году. Жена Зинаида работала сначала на ферме, потом учётчиком. Родились дети: Виктор, Михаил и Людмила.

Моя младшая сестра Людмила в 10-й классе училась в Плоскоши. Её знакомые поехали на целину и ей захотелось романтики: поехала с ними. Работала она дояркой. Там вышла замуж, родила дочку. Переехали они в Чебаркуль, но в конце концов вернулись домой. Жили в Некрашове, сестра работала в сельсовете.

Сразу, как я из армии вернулся домой, перевёз на новое место дом, прируб к нему сделал, самостоятельно сложил свою первую печку. Ремесло печника мне пригодилось: печки клал не только в своей, но и в других деревнях.

Стал работать в колхозе, сначала на лошадях, потом на гусеничном тракторе ДТ-54.

Военкоматом были организованы курсы, на которых я три месяца учился на шофёра. Жил в Торопце у знакомых. А потом из Твери приехал какой-то преподаватель принимать экзамены, и меня до них не допустил, потому что у меня только 4 класса образования. Я тогда обратился за помощью в райком, к Анне Васильевне Гусевой. Она мне помогла, и я

был допущен к экзаменам. И между прочим, только 13 человек, в том числе и я, сдали экзамены с первого захода.

Так я стал работать на машине, подремонтировал старую и работал 2 года шофером.

А потом поехали с главным инженером и трактористом получать новый трактор. А я по дороге и говорю инженеру, давай, мол, я трактор получу и буду на нём работать, а трактористу отдам свою машину. На том и порешили, я опять сел за трактор. Работал и на бульдозере: камни с полей убирал, дорогу ремонтировал, кустарники выкорчёвывал.

Работа в деревне тяжёлая, и я заработал грыжу позвоночника. Пришлось ехать в Ленинград делать операцию, стал инвалидом 2 группы. В 1987 году мы с семьёй переехали в Торопец.

Первое время часто ездили на родину, в Бельково. Сейчас с каждым годом делать это всё труднее. 5 лет назад умерла жена. Остался я со своими собаками, а их у меня три, и двумя кошками. Зимой подкармливаю птичек, сделал для них кормушку.

Дочка и сын живут в Торопце. У меня трое внуков и четверо правнуков. И хотя мне много лет, но всю домашнюю работу я делаю сам.

Содержание

От составителя.....	2
Аверьянов Николай Павлович	3
Алексеев М.Ф.	3
Ваганов Василий Иванович	4
Гофман Виктор Михайлович	5
Захарова Е.	6
Ильин Василий Тимофеевич	6
Михайлов А.	7
Нефедов Георгий Николаевич	8
Нефёдов С.	9
Прокофьев И.	10
Таланов Пётр Алексеевич	11
Фёдоров Иван Павлович	18
Шурков Т.	20
Исаков Василий Александрович	21
Алексеева Зоя Борисовна	28
Беляев Анатолий Николаевич	32
Беляева Нина Ефимовна.....	33
Бодунова Нина Тимофеевна	33

Виноградова Валентина Степановна	35
Егорова Ираида Фёдоровна	37
Егорова Мария Николаевна	38
Зайцева Г.	39
Зайцева Тамара Алексеевна	40
Колбанёва Нина Фёдоровна	44
Коновалова Галина Александровна	44
Косенкова Анна	46
Милохина Анна Никифоровна	46
Овсянникова Мария Фёдоровна	47
Павлов Геннадий Павлович	49
Павлова Галина Васильевна	49
Розанова Клавдия Васильевна	50
Савельева Анна Егоровна	51
Селезнёв Иван Петрович	52
Смирнов Константин Ильич	53
Яковлев Анатолий Михайлович	54

Становится историей война...

Ответственный за выпуск - Е.Л. Григорьева

Составитель - Л.И. Медведева

Компьютерный набор - Е.А. Петрова, Р.В. Богданова

Художественное оформление и верстка - А.А. Лапченко

Тираж: 20 экз.

Оригинал-макет

Сектор автоматизированных

Библиотечно-информационных технологий

МУТР «Торопецкая центральная библиотека»

г. Торопец, Тверская обл.,

ул. Советская, д.35а

kniga_tor@mail.ru

www.toropec.tverlib.ru